

Игорь Муханов

СОНАТА ВЕСНЫ

Лирические миниатюры

Игорь Муханов

СОНАТА ВЕСНЫ

Лирические миниатюры

Алтай
2021

Художественный редактор — Алёна Цами

Оригинал-макет — Айсулу Семендеева

В новую книгу алтайского поэта, прозаика и этнографа Игоря Муханова вошли лирические миниатюры, написанные им за последние годы.

Для широкого круга читателей.

© Айсулу Семендеева — оригинал-макет

© Игорь Муханов — текст

На улице детства

Ступенчатое перетекание дождевой воды – с листа на листок и с ветки на ветку – рождает звук. Он лёгок, упруг и действует усыпляюще, если слушать его, стоя на одном месте. Но если идти по дорожке, радуясь дождливому дню, и собирать звук со всех деревьев, можно услышать многоголосье. Оно сродни игре оркестра, спрятанного в листве, желтеющего своими валторнами, белеющего фортепиано и краснеющего скрипками.

Жуки, бабочки и гусеницы, застывшие на тыльной стороне листа и пережидające дождь вверх ногами, станут для тебя прихожанами филармонии. А капли, падающие в траву, начнут сливаться в струйки, закручиваться в спираль и звучать ещё не знакомым миру инструментом. Но до того, как это произойдёт, влага заполнит все полости и углубления. И уж точно классическую музыку начнут исполнять парки и сады, счастливые от того, что обрели голос.

Шопен, Дебюсси и Равель – душа твоя в равной мере услышит их мелодии. И случится это не в концертном зале, а под шум автомобилей, везущих пассажиров по их делам, скользящих размытой тенью за мокрой завесой.

Музыке, льющейся с деревьев, ничто не может помешать. Ни колокольный звон, плывущий с ближайшей колокольни, ни разговоры людей, гуляющих в саду под разноцветными зонтами. Напротив, помехи, вызванные городской жизнью, добавят к музыке новые тона и сделают её ещё более привлекательной.

Но вот музыка затихает, начинает звучать под сурдинку, и тысячи золотых смычков, пробившись сквозь просветы в деревьях, наполняют воздух благоуханием. Это финал концерта, роняющий последние капли в траву. И когда лужи вокруг станут зеркально-неподвижными, ты окажешься на улице своего детства с майским жуком в спичечном коробке.

Катунь, бегущая по Алтаю

Бежит Катунь-река, торопится попасть в море. Всё на своём пути запоминает: кувшинку, ондатру, стрекозу.

– Вот, – думает, – вот: какая я записка! Всё запишу, от истока до устья, и людям подарю!

Синица слышит и тенькает. Ива слышит и не понимает ничего. Но поклон на всякий случай отвешивает.

Горы стоят, как старцы с седыми бородами. Думают стаями птиц, машут Катунь рукою ветра...

Го-ры!

– Людям твои записки на что? У них есть поэты. Видят то, что не видят другие. Вроде очков на носу!

Ёкает Катунь на перекатах, но отвечать не хочет. Дальше бежит, на зорях розовея. Луну, как сахар, облизывает... Дальше, дальше, дальше!

С одного камня спрыгнет, о другой ударится. Зафырчит, запенится и проворчит про себя:

– Ишь, дублёры нашлись! А знают ли много?

Повернёт направо, потом – налево. Солнечным лучом заштопает царапину на кувшинке и снова ворчит:

– Возьмём стрекозу. Питается не только мошками, но и бликами на воде. А лесные шишиги любят щекотать пятки муравью... Ших, ших... Знают ли поэты об этом?

Антарктида

Я увидел в пустыне Гоби, до которой добирался своим ходом не одну полную луну, трёхмачтовое судно. Оно лежало на боку (так пляжник лежит у моря) и гре-ло на солнце своё днище.

– Что ты делаешь здесь, в пустыне? – спросил я судно, полный недоумения. – И где дельфины, которые выпрыгивают утром из воды, желая поздороваться с солнцем?

– Я плыву в своих снах в Антарктиду, – ответило мне судно, и паруса на его мачтах вздрогнули и снова повисли.

Солнце пекло беспощадно. С песчаных холмов на нас смотрели ящерицы, и синие миражи вставали от переутомления перед глазами. Чувствуя усталость, я прилёг на песок, подложив под голову ботинки. И при-крыв свои веки, искоса поглядывал на судно.

– В таком случае, я – твоя шлюпка. И работая ру-ками, как вёслами, плыву следом за тобой!

– Ты видишь только настоящее, – сообщило мне судно, сканируя меня своими люками. – А ёрничаешь потому, что лишён чувства доверия!

И судно закрипело своими деревянными рёбрами, пытаясь повернуться на другой бок.

– В таком случае, дай мне воды, которую ты видишь, и покажи бурю, которая качает тебя, как поплавок!

Судно долго не отвечало. И вдруг зашумело всеми парусами:

– Залезай в мои сны, и поплывём в Антарктиду вместе!

И тут я подумал о том, стоит ли продолжать беседу? Тот же нереальный мир, который дарит человеку глюконавтика. А вокруг, на сотни километров, пустыня. И она видит сон, в котором я разговариваю с судном!

*

По дороге домой, ночью возле пересохших колодцев, я отдыхал душой, любуясь звёздами. Поблёскивая, как конский глаз, который увидел в руках у человека лепёшку, звёзды смотрели на землю с нескрываемым любопытством.

А где-то в Индии, укрывшись верблюжьим одеялом, спал лидер тибетского буддизма Далай Лама и видел во сне мировую духовную революцию. Рядом с моим алтайским домом, за Теректинским хребтом, спал в своей резиденции президент России, видя евро-азиатскую страну. Бог, сотворивший эту Землю, видел её покрытой цветами, над которыми летали люди, ставшие ангелами. И каждый человек, спавший в этот час, что-нибудь да видел. Например, новую мебель, которую вносили в его дом, или свою возлюбленную. Арабы видели руины на том месте, где ныне находится Белый Дом, а президент Америки видел Сибирь и в ней города, носившие сплошь американские названия...

– И что мне приснится этой ночью? – вздыхал я с тревогой. И ближе подвигался к костру, который вздыхал вместе со мною искрами.

Во сне я увидел великана, переходившего пустыню Гоби с походным мешком за спиной. Встретив на своём пути судно, великан поклонился ему до песка, как кланяются могущественному патриарху. И взяв на руки судно (мачты доставали великану до колен!), отнёс его к океану.

*

Алтайские горы встретили меня радугой, соединившей два хребта – Катунский и Теректинский. А вот и дорога, ведущая в родное село! Она виляла среди гор как лисица, убегавшая от волков. И я пошёл по этой дороге быстрым шагом, не глядя по сторонам.

Родное село встретило меня птичьим граем. А клубника, уже созревшая в огороде, по-гусарски закрутила свои усы, узнав, что я вернулся.

Лёжа под яблоней в саду, я отсыпался после своего путешествия. Купался под вечер в Катунь и собирал в прибрежном лесу грибы. И первое, что я узнал по телевизору, была новость о том, что возле берегов Антарктиды обнаружено трёхмачтовое судно. Неизвестно кому принадлежавшее, с колючками из пустыни Гоби на борту.

Цветы Алтая

Мы – нежные краски долин, которыми летнее утро пишет картины будущего.

Мы – улыбка земли.

Мы – её сны, которые земля рассказывает, шелестя травой, небу.

Мы напитаваем своим ароматом ветерок, а тот, странствуя по миру, вызывает в людях лучшие мысли.

Мы являемся маяками измученных жаждой долин, на которые ориентируются в своём полёте тучи. А перистые облака спускаются всякий раз ниже, чтобы нами любоваться.

Мы растём до самых ледников, сверкающих, как драгоценные камни на солнце. И отмечаем границы своего обитания эдельвейсами.

Мы – гордость Алтая, равно как и всей Земли.

Мы являем собою образ ангела, который должен воплотиться в человеке. И эти времена близки.

Влюблённая берёза

Можно рисовать на спинах прохожих, если ты художник. Конечно, глазами, и ни в коем случае мелом или углём. И уж если рисовать, то только хорошее. Цветы и бабочек, например, можно солнце. Я люблю разговаривать с незнакомыми прохожими своими рисунками.

Вот, рисую на спине солнце, и прохожий замечает:
– Как тепло!

Рисую ветку сирени, и прохожий улыбается. И спрашивает себя:

– А не влюбиться ли в берёзу, растущую под моим окном?

– А почему бы и нет? – соглашаюсь я и рисую сердечко.

Дальше – непонятное беспокойство, разрушающее игру... И я бегу к берёзе, отмеченной знаками любви, посмотреть, как та поживает.

Дома, в основном «хрущёвки», проплывают мимо как корабли. Повсюду сугробы, голые ветки, ожидание запоздалой весны. А та берёза распустила свои листочки и ждёт чирики воробьёв, чтобы сыграть свадьбу с

пролетающим мимо облаком!

Внутренний голос просит меня отвернуться. И я отворачиваюсь, как в бане, где плавают в облаках пара розовощёкая женщина. А берёза уже пишет на моей спине:

– Здравствуй, человек! Приходи завтра на мою свадьбу. И не забудь захватить с собой весну и своё творчество. Пускай весна приноравливается к ускорению прогресса природы, к магии любящих деревьев!

Корнесловие и славянство

Когда не смотришь на жизнь оборотов речи, а корнесловствуешь, звуки прорастают в глубину. А там – славянство, растущее на дрожжах частых дождей, с их музыкой и многомирием. И душа едет в теле, как в поезде, и смотрит не только из глаз.

Славянство живёт на дне языка, оно не исчезает. Славянство и славит, и ярит – повсюду его слышно. Такова судьба всякого языка, и русского – тоже!

Ещё не узнавшая время, языческая Русь теплит лампаду в языке. Войди в корни её слов, и окажешься в тереме князя Владимира. И обовьёт тебя слово, как повилика, и сделает сосудом своих надежд. И станешь ты служить Красоте и вязкому, как мёд, Образу.

Можно спуститься по корням слова ещё ниже, в дославянские времена. Но круг развития замкнётся, и ты упрёшься в звериный рык. Увидишь ящера как себя, занятого переработкой трав и размножением. Очнёшься, окружённый лязгом зубов, и сам убежишь в свою эпоху.

И слушая, как икает Икар – автобус, везущий пассажиров, – уразумеешь для себя, что звук стал и чище, и задумшевей.

Ты и я

Я самый счастливый в этом мире. Я узнаю себя в тебе, и когда ты поворачиваешься навстречу лучам утреннего солнца, вижу в твоём профиле сирень и розу.

Да, я самый счастливый! Когда ты мчишься тропой молчания, желая достичь одиночества высоких гор, я не бегу следом за тобою. Но терпеливо дожидаясь внизу, стремясь стать садом для тебя, в котором прохладные тени пересекают ручей, поющий песни.

Из своего счастья, ощущая себя скульптором, я ежедневно леплю фигуры друзей, близких и знакомых. И когда друг входит в фигуру друга, близкий и знакомый – в фигуру близкого и знакомого, они начинают светиться как образа, наполняя окружающее радостью и весельем.

Ты – лучшее, что во мне есть. И когда я хожу следом за тобой, выпрашивая, как нищий, твоё внимание, ты даешь его мне.

Когда мы общаемся с тобой, радуги толпятся вокруг нас, как яркие арки на картинах художника Черноволенко. И мы проходим под этими арками навстречу солнцу, всё больше обозначающему крылья за нашими плечами.

Когда мы закончим эту жизнь, как заканчивает её день, уходя за черту горизонта, мы поселимся с тобой в долине, где резеда разговаривает с пустырником о проблемах сострадания к тем, кто ещё не обрёл друга. И будем помогать солнцу ткать тропинки для заблудившихся душ.

Объявление в газете

Пугалу надоело, жарясь на солнце, пугать непослушных птиц, и оно поместило объявление в газету:

«Приглашаю всех пугал округа объявить птицам войну. Мы пойдём на них крестовым походом, и птицы испугаются и улетят в лес. Сборы завтра, у меня в огороде».

Каково же было моё удивление, когда на следующее утро на всех дорогах, ведущих в указанный огород, можно было увидеть множество пугал. Их несли на шестах люди, держа, как священные хоругви.

Я спросил у одного человека:

– Неужели вы верите в то, что война состоится? И что птицы улетят в лес, и мы никогда не услышим их пенье?

– Нужно быть глупцом, чтобы в это верить, – ответил человек. – Но посмотрите внимательно, что у моего пугала написано на груди...

Я поднял голову и прочёл: «Одинокий мужчина хочет познакомиться с женщиной не старше 35 лет для серьёзных отношений».

На других пугалах также были написаны объявления, затрагивающие самые разные проблемы жизни.

Говорят, чтобы стать счастливым, нужно чаще давать объявления. И не только в газету.

Разбитое зеркало

Когда китайский поэт Ван Вэй достиг просветления, он тут же разбил палкой зеркало, купленное им в одном из лучших магазинов Шанхая. Чем сильно испугал своего слугу, который случайно присутствовал при этом.

– Зачем вы это сделали, господин? – спросил слуга, осмелев настолько, что подошёл к Ван Вэю на расстояние вытянутой руки. Но тут же попятился к двери, словно вспомнив о чём-то, сложив руки на груди и кланяясь, как заводная игрушка.

– Зеркало вполне этого заслуживает, – ответил Ван Вэй. И выбросил палку в окно, где резвились павлины, распуская свои роскошные хвосты перед искавшими в траве курами.

– Но почему, почему? – не уставал спрашивать слуга, ползая на коленях и убирая осколки стекла в корзину.

Ван Вэй ответил не сразу. Полез сначала в карман, в котором лежали три ракушки, найденные им на берегу реки, посмотрел на мраморный столик, на котором лежало письмо от служанки, наводившей порядок в императорском дворце. Улыбнулся, блеснул зрачком, будто пришли к нему строчки стихотворения, и только после этого сообщил:

– Зеркало пытается убедить меня, что я – форма, тогда как я – дух!

Пруд Басё

мини-пьеса

Бухгалтер – в шёлковой красной рубаше, опоясанной ремешком, Фея – в цветке тюльпана, который держит в руке Бухгалтер

Б: – Скажи мне, наставница комаров, мать спелой травы и сестра цветущей черёмухи, о поэтах. Што они делают на этой земле?

Ф: – Ищут пруд Басё.

Б: – Самый обыкновенный, што ли, пруд? И Басё – што за птица такая?

Ф: – Обыкновенных прудов, касатик мой, не бывает. Все они с облаками и звёздами. И рыбы в них разные, и камыши шепчут на ветру разные истории. А Басё – поэт, воспевший романтику таких поисков.

Б: – Верно, небылицы ты мне, матушка, говоришь... И што, нашли?

Ф: – Одни – нашли, другие вышли на берег этого пруда, но заблудились в зарослях краснотала. А третьи

и вовсе ушли в сторону устойчивого заработка, цифровых забав и добровольного рабства у вещей и предметов.

Б: – Вон ты какая, бухгалтерия от искусства! А можно узнать имена поэтов, нашедших пруд Басё?

Ф: – Они написаны на лапках лягушек, живущих в этом пруду. Купайся в своё удовольствие в его водах, знакомься со щукой и карасём. И не забудь захватить с собой спички, горящие в воде, и сачок, сплетённый из строчек стихотворения.

Мартин Хайдеггер

Недальновидны и упрямы те философы, которые переводят Мартина Хайдеггера только наличием своих сил. Хайдеггер – это звезда, упавшая майским вечером на ладонь любимой, это воскресная выпечка, пахнувшая мёдом и ванилью. Это, если угодно, горный тоннель, дарящий пассажирам долгое ожидание!

Уходит Хайдеггер во тьму – светят ему ангелы, берёт в руки логику – бьёт ею мух, запутывается в пути – выходит на финишную прямую, читает лекцию студентам – играет за окнами капель.

Следует, как мне представляется, переводить Хайдеггера так: сперва дать философу, потом передать материал поэту, и в самом конце – философу утвердить.

Мартин Хайдеггер – это русский Андрей Платонов, гребущий словом как веслом. Высекающий из слова искру поэзии, чтобы закурить трубку. Это рыба, пойманная в Волге-реке. Отправленная волжской артелью за границу и приправленная солью гамбургского образца.

Стихи-младенцы

Как чувствуешь порою взгляд человека, идущего следом за тобой, так чувствуешь и взгляд стихов, только что написанных тобою. Они как младенцы, пришедшие в этот мир, внимательно изучают своего родителя...

К какой категории существ он относится?

Сколько у него рук и ног?

Чем в этом мире занимается?

И так далее.

Весенние заборы

Увидев его на весенней улице, в шляпе и с тросточкой в руке, ты строишь ему заборы из своих ресниц. И начинаешь дышать неровно, воспринимая запахи проснувшейся земли ещё острее.

– Марья Ильинична! – окликает он тебя, находясь по другую сторону дороги, и машет приветливо рукой. – Я только что...

Но ты уже далеко и словно идёшь в другом месте. По саду, выплывшему из твоих детских счастливых снов. Стволы его яблонь смотрят на тебя. Их может ободрать коза, решившая позавтракать корою, а если в сад забредёт корова, наделает бед и пострашней. Может и ветки поломать, уже набухшие белыми цветами. С того и растут заборы в длину, когда ты встречаешь его на улице, и даже – когда подумаешь о нём!

А ты уже свернула в переулок и видишь в своём воображении сад другой, покрытый высокими сугробами. Скользят повсюду тени, похожие на лыжные следы. Кто-то звонит в калитку сада – колокольчик подпрыгивает и блескает. Из дома выходит женщина в овчинном полушубке, застёгивая пуговицы на ходу. Спешит в

стоптанных валенках к калитке. Ступает по тропинке легко, и видно по всему, волнуется.

– Саша! – не говорит эта женщина, а поёт, выщёл-
кивая каждую букву знакомого имени.

Колючий ветер нагоняет на это видение пелену и гасит его, как уличное освещение. На соседней улице начинают звонить колокола. Дорогу тебе перебегают собака с хвостом, свернувшимся бубликом. И перед тем, как исчезнуть в переулке, останавливается и долго смотрит на тебя. Смотрит глазами, странно похожими на его глаза, из-под красивых бровей, сдвинутых в одну линию...

Ты крестишься торопливо, и шевелятся ветки яблонь в твоём саду, словно хотят сказать тебе о чём-то. И кадят ароматом внезапно распустившихся цветов. И ты ещё ниже опускаешь свои ресницы, и растут невидимые заборы в высоту. Чтобы ваши взгляды, получившие благословение ночных весенних птиц, случайно не встретились.

Истинное лицо человека

Когда я вернулся с войны, состоявшейся между стрекозами и лягушками, мне было восемнадцать лет. Я помнил школьную парту, всю исписанную чернилами, и улыбался безглазым камням и водомеркам, пересекавшим лужу в солнечный день.

Мечтая увидеть лицо человека – да, да: его истинное лицо! – я взял и сорвал с него однажды маску. Но под маской оказалась другая маска, и под ней – тоже маска. Сорвав, наконец, седьмую и последнюю маску с человека, я замер от удивления. Мир, полный таинственных превращений, мерцал своими звёздами надо мной!

И тут я услышал чей-то голос:

– Добился ли ты, чего хотел? Сумел ли увидеть истинное лицо человека?

Я обернулся.

Со щучьим взглядом существо, выглядывая из-за ближайшей скалы, смотрело на меня тоскливо и безнадёжно. А небо пылило Млечным Путём, пульсировало Полярной звездой и ловило ночных насекомых сачком Большой Медведицы...

Добился ли я, чего хотел?..

Ко мне обращался сам Дьявол, как мне объяснили потом. Сеятель сомнений, король заблудившихся душ и наставник самоубийц. Но тогда... я ничего не знал об этом! Я был ослеплён своей молодостью и просветлён ею...

Помню, я улыбнулся незнакомцу. И захрустев картонными масками, валявшимися повсюду, сообщил:
– Зато я узнал, что человек – это сама Вселенная!

Зимние афоризмы

Если долго смотреть на снежинки, падающие в конусе света уличного фонаря, можно увидеть светлые лики ангелов. А ещё – маму или папу, ушедших по спиралям январских вьюг на далёкие звёзды.

Увидев в волшебном свете неброскую зиму, сумеешь увидеть в том же свете и всю свою жизнь.

Возможно, грешники, пребывающие в жарко нагретом аду, мечтают родиться в северных странах, где бани – по крышу в снегу.

«Младенцы растут во сне, а зимние деревья – в душе, причастной ко всему живому». И в этом утверждении содержится столько же истины, сколько в изречении: «Лёд есть вода».

«Мы все уйдём, но к самым далёким звёздам», – сказка январских холодов.

Иисус родился зимой, когда солнце (прежде всего, солнце духовное) едва освещало потёмки человеческих душ.

Дерево в снегирях – как лампа, зажжённая среди зимы. Всегда согреет тебя, если замёрзнешь в этом мире.

Рифма

Что-то вроде резонатора, помещенного на конце строки, звучащего приятными повторами. Или старухи-сводницы, опытной настолько, что готова поженить соловья с ветром, богатого старика – с красавицей и любовь – с морковью.

Рифма является семенем для ростка, имя которому – аллитерация. Украшая строку стихотворения, аллитерация нередко превращает её в сонату, исполненную без помощи музыкальных инструментов. Чувствуя себя второстепенной, мысль покидает такое произведение, прихватив с собой здравый смысл и кучу намечавшихся возможностей.

Но если рифма устранена, здравый смысл торжествует. Он приобретает благодатную почву для роста, видоизменяясь и ветвясь, превращаясь порой в полезную людям философию.

Так, между двумя крайностями – музыкой с одной стороны и философией с другой – и поживает госпожа рифма, помогая строке, летящей мимо, сохранить чудо поэзии.

Женская рифма

Женская рифма всегда косится на мужскую. Она предпочитает сады, утренние туманы и соловьёв тому старинному этикету, которым, по её мнению, обременена рифма мужская.

Снисходительность в оценке происходящих в мире событий, подчёркнутая взмахом ресниц, ей к лицу. Женская рифма по своей природе – демократка.

«Ах, я забыла калькулятор дома, – жалуется она, – и посчитать число слогов, содержащихся в строке, мне не под силу!»

А вот высказывания женской рифмы, сделанные на Международном футурологическом форуме:

«Поэзия существует сама по себе, как блики на листьях. Я – та морская раковина, которая звучит венозной кровью её слушателей».

Муштру и суворовщину наших будней женская рифма приносит в жертву весёлым праздникам. Любит петь «Марсельезу» на просторах силлабо-тонических баррикад. «Ямб и хорей – штучки, в Россию завезённые, – напоминает она. – Мир изменится к лучшему, если женская рифма будет уравнена в правах с мужской...»

Таково её мнение на сегодняшний день. Женская рифма в России чувствует себя превосходно.

Поэт и стрекоза

Как пуля, попавшая в стеклянный куб, застревает с тревожным хрустом в его середине, так застряла в воздухе стрекоза, увидев Поэта на лужайке. Тот лежал в траве, пахнувшей душисто, и сверкал свежесбритой щекой.

– Отчего он так ярко сверкает? – спрашивала себя стрекоза и шелестела моторчиком своих крыльев ещё проворнее.

А Поэт в это время писал стихи:

*Лето. Небо. Стрекоза.
Эти синие глаза...*

И стрекозе, привыкшей общаться с бабочками и жуками, было невдомёк, что её полёты, полные самых неожиданных виражей, рожают в людях вдохновение.

Виват, Поэзия!

На каком языке говорит ветер? Сколько наречий существует у птиц? Изучает ли кто-нибудь диалекты ручьёв и речек?

С такими вопросами обращается солнечный летний день к сердцу человека. Так рождается поэзия. Она есть прекрасная возможность выразить музыку, заключённую в слове. Именно прекрасная, ибо музыкой začínаются миры.

Тёмные века истории характеризуются, прежде всего, тем, что в них умирала поэзия. Суровый практицизм ставился во главу жизни, и мысль человеческая грубела, металась от одной крайности к другой, выраженной словами «да» и «нет». Именно в эти века пылали костры инквизиции, велись войны, осуществлялась безудержная погоня за наживой. И лишь после того, как начинала звучать музыка и в садах поэзии распускались цветы, мир возвращался к жизни, как после тяжёлой болезни.

Виват, Поэзия! В твоих зеркалах отражается лучший, горный мир, по образу и подобию которого люди пытаются строить своё будущее. В твоих полях простор-

но, в твоих реках плавают золотые рыбки, и горы покрыты парчою снегов. Ты одна можешь раскрыть ловушки городов, в которые упрятана ныне бо'льшая часть населения планеты, и выпустить людей на свободу. Ты одна можешь объяснить им, что такое Красота, и привести в объятия Природы. Пресыщение техникой становится чудовищным, искусственные ритмы жалят сильнее ос. Люди гибнут от жажды, забыв дорогу к Океану...

Выведи нас, Поэзия, на светлый простор!

Шум дожся

В провинциальном городке, где я родился, было немало цинковых крыш. И когда шёл дождь, по-весеннему шумный и торопливый, крыши городка оживали. Они покрывались кружками и кружочками с торчавшей по центру иглой, блестели по всему скату и кутались в серебряный пар.

Каждая крыша во время дождя издавала своё, неповторимое звучанье. Одна шипела по-кошачьи, другая гудела пустым чердачным нутром, и была в тибетский барабанчик третья, смягчая звуки блестящими повсюду подтёками.

В водосток, имевшийся почти у каждой крыши, вода попадала струйками, закрученными в спираль. Текла по его слабому наклону и с шумом проваливалась в трубу, расплёскиваясь у самой земли и пуская пену.

Каждый участок крыши также издавал свой, особый звук, похожий на звук симфонического оркестра. Это была музыка лета, мирные переговоры неба и земли, кончавшиеся порой вспышками лиловых молний. Музыка лета звала в сады, полные антоновских яблок, и говорила о проблемах роста пшеницы на колхозных полях и судьбе будущего урожая.

Много воды утекло с той поры, много радуг осве-

щало провинциальный городок своим таинственным светом. Изменился и сам городок, занесённый микросхемами Билла Гейтса по самые крыши. Изменился и я, пройдя через разрушенную до основания страну, рыночные войны и социальные сети, похожие на барахолку, где искренность и пошлость, искусная живопись и мазня соседствовали друг с другом.

Но и в наступившие времена, когда идёт дождь, барабаня теперь уже по импортной черепице, душа моя волнуется. Она летит туда, где когда-то, ища своё пристанище, вошла в тело новорождённого малыша. И слушает тёплый майский дождь как шестую симфонию Бетховена.

Мартовские звоны

В марте в природе больше музыки, чем в январе. Я говорю о той музыке, которой повелевают ветра. И к которой идут по тропинке вдохновения, иногда – целую жизнь!

Март похож на хорал, звучащий на праздник в храме. Всё вокруг просыпается, жаждет о себе заявить. Низких, басовых нот при этом почти не слышно. Звенит капель, падающая с крыш и деревьев. Звенят ручьи, поющие тепло. И даже собаки лают весною звонче. Март, если прочитать это слово наоборот, звучит как «трам». Трам-там-там, тарантелла движений... Торопливая трель синиц, прилетевших из леса ранним утром!

Звон соответствует началу жизни, её становлению. В старину жителей Великого Новгорода собирала на вече звонница. Принятие важного, судьбоносного для города решения громко славили колокола. И в их многоголосье рождалось людское единение!

Звенит жаворонок в небе, окрашивая твоё настроение в праздничные тона. Звенит дверной колокольчик, извещающий о приходе близкого тебе человека. Звенит

капель за окном, рождая к ночи сосульки. Звенит любовь ко всему, что ещё не звенит, оживая весной в человеке!

Примеров звона, сопровождающего жизнь человека, так много, что перечислить их просто невозможно. Да и не нужно, может быть. Всякую музыку лучше слушать, чем пересказывать её.

Дочки Кудая

Сидят дочки Кудая на радуге, ногами болтают.

Весело им на дольний мир смотреть, где реки – седые волосы, а горы – куличики с сахарной пудрой.

А вон, как фантики от конфет, крыши пестреют...
Это Мульта!

Старшая дочка создана Кудаем из шума берёз, поэтому такая и шумливая. А младшая – ветра тише. Создал её Кудай из лунных лучей, чтоб старшая не скучала.

Кудай – создатель!

Мульта внизу, как муравейник, шевелится. Кто в школу идёт, кто в магазин. Кто прыгает на одной ноге, восклицая «хочу денег!», кто баню топит с утра. Любви, вишь, ему захотелось, а чистого любят охотней!

Дочки Кудая сидят, ногами болтают. Идёт мимо ребёнок – конфету ему сбросят, идёт рыбак на Катунь – кинут червяка. Не простого, конечно, червяка, а особого, на которого хариус крупный идёт!

Привыкли к такому обычаю ребятишки, и как радугу увидят, кричат:

*Дайте нам, Кудая дочки,
На дорогу лапоточки,
На учёбу – крепкий ум,
На игру – поменьше дум!*

Так и живёт население Мульты, почитая радугу.
Ведь за ней – просторы невиданные, синяя бухтармин-
ская степь...

Да!

Голубиная книга постраничная...

Так оно и есть!

Пахнувшая типографской краской газета, в которую
завёрнуто всякое счастье земное...

Вот-вот!

Сокровища Филарета

Филарет, прожив в алтайском селе Мульты до тридцати с лишним лет, собрал как-то раз свои немудрёные пожитки и поднялся на гору, расположенную неподалёку от села. Уж больно ему захотелось поближе к Богу оказаться!

Постоял Филарет недолгое время на вершине горы и понял, какая тут красотища. Бог – текущая по долине Катунь-река, белеющая своими снегами гора Белуха, весь дольний мир, взрастивший его, был виден отсюда, как на ладони. А если хорошо виден Бог, зачем же с горы спускаться?

Остался Филарет на её вершине жить, построив себе избушку.

Стали к нему через какое-то время люди приходить, высокие и прозрачные, каких в дольном мире и не существовало совсем. А вслед за этими людьми и люди обычные стали к Филарету подниматься. Вверх по камням взбираются – пот с них градом течёт, назад возвращаются – поют счастливые песни!

Жандармы такое дело разузнали и по-своему, по-жандармьему, его поняли. «Филарет, видать, деньги на горе печатает и людям их раздаёт. Потому люди и спускаются от него такие счастливые!»

Решили жандармы Филарета с поличным взять. Штыки армейские в тряпки завернули, словно детей грудных несли, и на гору взобрались. Благослови, мол, Филарет, наших детей и дай им денег на пропитание!

Филарет только одного их «ребёночка» на руки взял, и ожил, заплакал внезапно штык, в пелёнки завёрнутый!

Упали тогда жандармы Филарету в ноги, стали прощения просить.

«Да что вы, будет, да вы совершенно правы. Я ведь и в самом деле сокровища делаю! Только сокровища те не телесного порядка будут, а потому и закону земному не подлежат. И тут вы ошиблись, конечно».

Путь червяка

Путь червяка всегда считался осудительным. Даже физически он был лишён света, в чудных вибрациях которого развивается вся сознательная жизнь. Червяк лишён зрения. Его тело, покрытое слизью, способно вызывать у человека самые неприятные чувства. Червяк, одним словом, и есть червяк. И о каком пути, кроме разве физического (от одного корня растения к другому), может идти речь?

И, тем не менее, у червяка есть путь, в пределах которого он может развиваться. И если взять растительного червяка – гусеницу, то на примере одной его жизни можно убедиться, как неуклонное следование этому пути (комплексу программ, заложенных Природой) приводит червяка к новой, более высокой форме существования.

Кто из людей не восхищался полётом бабочки над распускившимся цветком? Поэты воспевают бабочку в стихах, влюблённые сравнивают с ней свою любимую, учёные отмечают незаменимую роль бабочки в процессе опыления цветов. И редко кто помнит о том, что бабочка – это гусеница в своём предыдущем существовании!

Таким же образом и стрекозы, помогающие вспомнить пузыри, украшающие лужи, шелест книжных страниц и балерин Мариинского театра, ведут свою ро-

дословную от водяных червей, влекущих на сумрачном дне своё жалкое существование.

У земляных червяков иная судьба, чем у червяков растительных или водных. Прекрасные формы существования им пока недоступны. Но земляные червяки трудятся день и ночь, взрыхляя почву, насыщая её кислородом и освобождая от вредных микроэлементов. Они гибнут в больших количествах под лопатами дачников. Их насаживают на крючки для ловли рыбы, пронзая от головы до хвоста. Но это – опыт их жизни. Это их путь из голгофы подземелья в небеса, обещанные Творцом всему живому.

Музыка Катунь

Днём Катунь – обычная река, играющая своей волной и рассыпающая на солнце искры. Но стоит загореться звёздам в небесах, как Катунь преобразается. Из молчаливой реки она превращается в говорунью. Законы физики утверждают: ночь усиливает звук. А если вспомнить, что Катунь спустилась с горы и богата в верховьях перекатами, можно представить себе, как ночью она шумит.

Я живу на берегу в небольшом домике, который построил себе сам, и каждую ночь слышу звуки Катунь. Ровный, казалось бы, гул, как шумит станок на заводе. О чём тут говорить и в какие философские дебри вдаваться? Наблюдай звёздную ночь, мигающую тебе огнями праздничной иллюминации, и радуйся жизни!

Но однажды, когда я проводил медитацию на веранде, произошло нечто удивительное. По мере углубления в себя я стал слышать не монотонный гул, издаваемый рекой, а музыку. Настоящую музыку, какую можно услышать в филармонии!

Может быть, мой слух, усиленный медитацией, стал слышать тона и обертона, прежде ему недоступные? Ведь у Катунь много крутых поворотов, звериных рыков и птичьих криков на берегу. Да и ветер, всё время меняющий своё направление, ведёт с Катунью свой непрерывный разговор!

Человеку, не получившему музыкального образования, непросто услышанную музыку описать. Но могу сказать с уверенностью, что это была мажорная музыка. Сильная, уверенная в себе, напоминающая бурю, случившуюся осенью в горах, или сонату Бетховена.

Радость раздетой руки

Всю зиму прятаться в мягком тепле рубахи, облегаемой ещё, в случае выхода на природу, синтепоном куртки – занятие, согласитесь, не из приятных! Но вот наступают весенние дни, и рукава опадают, словно листья с деревьев.

Волосики кожи распрямляются, начинают дышать. Становятся упругими и поют, как струны под ветром. Что-то родное, пришедшее из детства, слышится в этом звучании. И бегут по руке солнечные блики, словно стада косуль. Прозрачных, сказочных косуль, не существующих в природе!

Рука начинает округляться, темнеть, ощущать своё близкое родство с папоротником в овраге. Начинает тянуться в небо, желая приветствовать голубей. И показать свою ладонь солнцу. На которой божья коровка, завершив свой полёт, прячет крылья под панцирь.

Лама и рагуга

Как гонг в тумане жалобно звучит!
Идут на службу утреннюю ламы,
от неба деревянные ключи перебирая в сумчатых
карманах.

И служба их свободна и легка: один читает мантры до обеда, пытается достать до потолка другой, огня небесного отведав. У третьего склонилась голова на грудь – несите, медики, носилки! И на углях, готовых сжечь дотла, стоит четвёртый с глупою улыбкой.

«Экзотика», – вы скажете. Пусть так! Но если в доме вашем разобщенье, необходимо времени пятак вложить в ремонт жилого помещенья. Убрать всё то, что ходу не даёт мечте, дружившей с облаком когда-то. За миром наших мелочных забот встаёт другой, возможностью богатый.

Алаверды летает над судьбой того, кто взялся за такое дело: увидеть мыслей комариный рой, грызущий наше собственное тело. Смахнув его широким рукавом ретритов, проведённых на природе, сверкающую радугу в свой дом приводит лама, от всего свободен.

Она займёт лишь часть того угла,

где лама, погружённый в созерцание
всеобщей пустоты – сплошная мгла,
миров иных – частица мироздания.

Он скажет этой радуге: «Ты – я!..» А, впрочем, тут
иною меркой мерьте:

того, что видит ночью простыня,
не выдаст настоящее бессмертье.

Этюды о Поэзии

Поэзия произошла от прозы, сумевшей разорвать на себе цепи подёнщины, которые зовутся ремеслом, и запеть. Легко и звонко запеть, забыв о кровоточащих ранах.

*

Поэзия – это путь без одышки, минуя сизифов труд. Это дыхание вдохновения.

*

Вязкий и пастозный русский язык. Неужели только потому, что ты родился в глубинке? Где солнце светит без посредников, и где собаки ходят по улице, виляя при встрече хвостом? Где лист малины тёмно-зелёный, а если подует ветер, – играет серебром?

Язык, избравший тебя. Чтобы родиться в тебе каждую минуту и каждый час строчкой стихотворения.

*

Иногда, в приливе вдохновения, слова хочется не

проговаривать, а шептать. Или не произносить их вовсе в этом мире, разрешив своим мыслям – светящимся примерным существам – летать по квантовым переходам.

*

Мысль, воплощённая в слово, теряет присущую ей гибкость. Но если слова коснётся Поэзия, то непременно расколдует мысль.

*

Разливы слов, близкие весенним разливам, нужны для того, чтобы в них со всей полнотой отразилось небо. Непременно лазурное, с птичьими свадьбами и облаками. Зовущее человека испытать чувства, ещё неизвестные ему!

Не заборной жердиною открывается путь в далёкие миры, а дыханием вдохновения.

*

Поэты – те же островные птицы. Они чуют близость укрытых туманом берегов и поют о них песню разлуки.

*

У хорошего художника всё танец и чудо: дома из солнца растут.

*

Каждое утро я не просыпаюсь – рождаюсь в этом мире. И это действительно так!

Ведь просыпаются в мире знакомом, исхоженном вдоль и поперёк. А в мире, который ты открываешь каждое утро, рождаются.

*

Я предоставляю родившейся во мне песне свободу. Идёт она горлом – получают афоризмы, идёт сердцем – получают стихи.

*

Язык, рожающий красоту, стиль, рожающий доверие, и радуга вдохновения, рожающая влюблённость...

Тайну поэзии невозможно выразить словами. Но поэзия живёт и в этом коротком определении.

Волшебное сено

Когда я лежал на сене, казавшимся мне волшебной постелью, мои мысли превратились в птичек и улетели в Китай. Там они встретили трёх мудрецов в бамбуковой роще. Костёр, согревавший их тела, строил им рожницы и показывал языки. Но мудрецы, занятые беседой, этого не замечали.

– Лепота! – воскликнул один из них, указывая на небо, где тучным томящимся колесом крутилось солнце-Дао.

– Кто-то плачет, а кто-то изучает его. Но если на слезах этого человека и написан философский трактат, пергамент мне ближе, – сообщил другой.

– Знания – это сансара, – заметил третий и зевнул. – Я хочу крепкую анисовую водку с пирогом, и чтобы девушки водили вокруг меня хороводы!

Бамбук, окружавший мудрецов, качался под ветром. Дрова в костре свистели как полицейские, призывая свидетелей на свою смерть. И бросали на собравшихся блики, как обвинения. Но мудрецы этого не замечали. Они строили из своих мыслей сооружения, как строят рабочие дома.

– От самого себя родиться несложно, – утверждал второй мудрец, перебирая пальцами складки халата. – Необходимо лишь одно: чтобы общество до-

пустило существование медоносной пчелы размером с воробья!

– Общество видит лишь круги на воде, – вздыхал первый. – А как падает камень – орлом или решкой, – ему всё равно.

– Март – протальник, апрель – плакальщик, – утверждал, никого не слушая, третий. – В этом году обещают небывалый урожай риса!

Неподалёку шёл дождь, цокая по камням своими прозрачными копытцами, и увидев бамбуковую рощу, решил в неё заглянуть. Но войдя в рощу, передумал поливать мудрецов, а с ними и всю китайскую мудрость. Сел на попутный ветер и поехал в Пекин.

– Смотрите-ка: русские дрозды! – воскликнул первый философ, увидев мои мысли. – Интересно, что они делают у нас в Китае?

– Птички эти настолько же русские, насколько и китайские, – заметил второй. – Попадая в новую среду обитания, они меняют свой цвет.

– В таком случае, это уже не дрозды, а попугаи, – заключил третий. – Птички, умеющие повторять слова, сказанные другими!

И мудрецы, побросав свои посохи на землю, взмахнули широкими рукавами своих одежд. Это помогло моим мыслям проснуться, взмахнуть отдохнувшими крыльями и улететь в Россию. На мягкое, как перина, сено, давно поджидавшее их.

Поэт, сторож и дерево

Модный Поэт прогуливался по осеннему парку, напевая себе под нос такую песенку:

*Ты поэт, и я поэт,
Ты известен, а я – нет...*

В парке было тихо. Птицы уже успели улететь на юг, оставив после себя дюжину износившихся перьев. Которые валялись на траве вместе с листьями, навевая грустные мысли.

Поэт шёл по главной дорожке, откуда и увидел сторожа с ножовкой в руке. Тот собирался спилить сухое дерево и уже репетировал рукой. Двигал ею туда-сюда, мелькая дыркой на куртке, располагавшейся у локтя!

Желая подшутить над сторожем, имевшим чересчур серьёзный вид, Поэт подбежал к нему и голосом, окрашенным нотками отчаяния, произнёс:

– Не смей пилить это дерево: оно подпирает небосвод. Если ты не слушаешь меня, небосвод рухнет на землю!

Сторож принял Поэта за сумасшедшего, испугался и убежал, сверкая меж деревьев пилой, имеющей множество острых зубчиков. А дерево, которое таким образом удалось спасти, на следующий год покрылось пышной листвою. И на верхушке его сверкал по ночам месяц, словно заколка в волосах красавицы.

Всё, как в мире людей

Тэги для этой утренней импровизации: утро и огород.

Когда я выхожу после крепкого сна на воздух, меня встречают жители грядок и парников. И после короткого приветствия делятся со мной своими мечтами. Кем или чем желают они стать? Что подарить этому миру? На кого хотят быть похожими? Привожу краткий перечень того, что я слышу от фруктов и овощей каждое утро.

Капуста мечтает о соревнованиях корней и колодцев. Кто больше достанет из почвы воды, тот и будет чемпионом. Услышав однажды, что инопланетяне имеют зелёные головы, капуста «зацвела». И заявила: «Я тоже со звезды. Вот только с какой – смахну гусеницу и подумаю!»

Зелёный лук мечтает приобрести свойства обоюдоострого кинжала и сражаться в урожайно-освободительной войне. Но, успокоенный тёплыми дождями, об-

заводится к концу лета солидной луковицей и видит себя в обществе сметаны и хорошо прожаренных пирожков.

Клубника, как самый нежный продукт, мечтает подсахарить жизнь поэтам и влюблённым. Но и кузнечикам тоже, пришедшим с войны с земляными лягушками на упругих смычковых костылях.

Картошка – всегда партизанит. Выпустит зелёно-лиловый фонтан для маскировки, а сама спрячется в земле. Война с колорадским жуком, в которой участвует картошка, проходит с переменным успехом.

Зелёный горошек живёт кустарными мыслями. Прячет продукты своей деятельности в мешочки, сшитые солнцем и дождём. И всем своим видом напоминает завод, на котором отливают пули для нужд пищевой промышленности.

Персик обзаводится к августу замшей, красной с одной стороны и оранжевой – с другой. Но коровы, которые пасутся неподалёку, не признают его за лидера. Да, замшевый пиджак имеет персиковый цвет, но шьётся он исключительно из шкур животных!

Свёкла состоит с помидором в дальнем родстве. Их отношения, скрытые от посторонних глаз, напоминают масонские сходы, которые сохраняют свой устав как под землёй, так и на поверхности.

Вот краткий перечень того, что я вижу и слышу каждое утро. И отвечаю овощам и фруктам с улыбкой: «Всё, как в мире людей. Плодитесь и размножайтесь, мои дорогие, во славу зимней метели, полного живота и новых лирических откровений!»

Тениага

Месяц – туфелька, которую Шахерезада забыла на небе. Забросила её туда, играя с тенью в прятки, и перестала о туфельке думать. С тех пор и я, житель земли, получаю подарки. Любуюсь материей, из которой эта туфелька сшита, и воспеваю её в своих стихах.

Ко мне приближаются тени, длинные и короткие. Галстуки и стоячие воротнички, которые они надели, им к лицу. Тени начинают рассказывать мне свою родословную, заметно светлея лицом:

– Когда месяц поднялся высоко – выше кресел, в которых ангелы слушают музыку, он влюбился в молодую сосну. От этой любви и произошли тени – их внебрачные дети!

Я рассматриваю небо, в котором месяц плывёт золотой ладьёй, и молчу. Воспринимаю случившийся разговор, как сказку.

– И почему ты такой нечуткий? – жалуются тени, так и не дождавшись ответа от меня. – С набитой риф-

мами головой, ушедший в свои галактики, наступающий на нас при первом удобном случае? Не признающий теневую экономику – лучшую в мире экономику. Танцующий с цаплей в пруду, как с царицей. Заряжающий пистолет Макарова макаронами... Почему?

Я продолжаю молчать, наблюдая, как светлячки, летающие повсюду, пытаются затмить собою звёзды.

А на ладье, плывущей в сторону Востока, идёт пирушка. Блестят атласные шаровары, играет зурна. Из-за парусов возникают люди с подносами, на которых дымит жаркое. Кто они – слуги? Дымляне? Или фантазии Чюрлёниса, ожившие для развлечения гостей?

– Поедем с нами, – кричат мне с ладьи и спускают лестницу, сплетённую из лунных лучей.

– В страну просветлённых пьяниц? – спрашиваю я.

– Вот именно!

– В обитель забытых забот?

– Да!

И я топчусь на месте. Мой ум напоминает уют, который забыла выключить хозяйка. Ещё минута, и он перегорит...

– А можно, я захвачу с собою тени? Связку-другую, чтоб мягче было спать?

– Тени на небе не нужны, – отвечают с ладьи. – У них есть дурная привычка – дружить с вязальными спицами. Тени можно скатать в клубок, связать из них варежку, и та расползётся на глазах... Таков у теней характер!

Трудно быть плоским существом, знаю это не понаслышке. Когда-то и я был похож на алюминиевый лист. И был обвешан микросхемами как пауками. Но жить без теней, значит, вернуться в своё прошлое. Тени создают объём, делают пространство трёхмерным... И я дёргаю лестницу:

– Вира! Я остаюсь...

Тени скользят вокруг меня, шипят словно змеи, напуганные землетрясением:

– Ст-т-рана просветлённых пьяниц, об-битель забытых забот...

И прыгают на меня, стараясь зацепиться за пуговицу или залезть в карманы!

Но к счастью, я знаю формулу превращения меди в серебро. Знаю знаки удач и зовы воскресной улицы. Знаю и судьбу золотой ладьи. Когда она скроется за горами, вернётся свет. По небу прокатится колесо, блестя своими спицами. Когда колесо достигнет Золотого Дворца и отразится в его мраморном бассейне, тени исчезнут. И вместо них выбегут мне навстречу дети со счастливыми лицами!

Звёздный шум

Ранней весной, на солнцепёке, пробил влажную зернистую почву стебелёк. Хорошенько огляделся по сторонам – нет ли поблизости травоядного животного? – и раскрыл свой первый листок, как зелёное знамя.

*

Иду по сырю, из которого изготавливаются люди. Иду по останкам прежде величественных солнц, Архангелов и Богов, управлявших когда-то мириадами жизней. Иду по влажному зернистому веществу, ни с чем на свете не сравнимому...

Иду по тебе, земля!

*

Люблю тебя той именно любовью, которой любят в далёких русских деревнях майскую черёмуху ранним утром.

*

Бог напрягся – и появились горы,
дунул – и появились небеса,

изрёк слово – и появились люди.
Но когда Бог, рассматривая своё творение, улыбнулся,
появились цветы.

*

Хочется иногда такого, что человеку не свойственно вообще. Услышать *звёздный шум*, например.

*

«Ангел, который час?» – спросили незнакомые люди человека. И вздрогнул человек так, как вздрагивают от высокого электрического напряжения...
Может, что вспомнилось?

*

Верю: той нежностью, которую я испытываю к тебе, Ангелы набивают перины своих кроватей. И спят на них, и видят сны, в которых лучи утреннего солнца тонут в Беспредельности. И звучат, как струны арфы, в попытке запечатлеть Ускользящее.

*

– Не подходите, не подходите ко мне. Иначе я забросаю вас бабочками, стрекозами и муравьями из своего детства!

(Фея – мальчику Индиго, гуляющему по лесу с нутбуком под мышкой).

Мужское и женское измерения

Мужская любовь – это выход в женское измерение, женская любовь – наоборот. Мы наполняем друг другом пусто'ты своего существования, и пусть это будет каждый день, каждый час, каждую минуту.

Когда я впервые стал тобой, вот было удивительно! Те же звёзды светили над миром, те же поезда дарили пассажирам свой чай. Но в каждом стакане плавала золотая рыбка, и каждая свеча зажигалась от ближайшей свечи.

И ты была бликом на стекле, записной книжкой кондуктора, встречным гудком. Я проходил сквозь тебя, а ты – сквозь меня, и тихие радостные минуты падали к нашим ногам, как снежинки.

Я так и не знаю до сих пор, кем в тебе отражаюсь. Возможно... Но стоит ли об этом гадать? Лупа не знает предмет, который она увеличивает, исправно совершая свой труд.

Дым, покидая трубу, остаётся дымом, снегирь, уле-

тевший из леса – снегирём. Я же, встретив тебя, изменился. И расставанье с тобой напечалит мне трещину в дереве. Да, будет выделяться смола, которой смазывают смычок у скрипки, но игра... Останется ли с нами вдохновение?

Человек, сумевший полюбить птиц, летящих за облаками, становится ясновидящим. И видит в завязи цветка – цветок, а в цветке – плоды, которым предстоит ещё родиться. Их соберут загорелые женщины ранним утром и отнесут на базар. И там, среди суеты, блеска локтей и прилавков обменяют на улыбки покупателей.

Люди, обретая дар любви, наполняются чужой жизнью и радостью за её существование. Они посылают свои мысли в мир, как радиосигналы, и получают ответ, которого не ожидали.

Так что же такое любовь, скажи мне, пожалуйста? Уверен, что смутишься и замолчишь, соприкоснувшись с Неизвестным. Не смогу ответить и я, поскольку ответа не существует. Как не существует и нас, заключённых в броню своего эгоизма, когда мы вместе. В том многомерном и счастливом мире, который нам дарит любовь.

Соната Весны

Оттепель – передовая наступательная сила весны – с конца февраля начинает проявлять себя часто и уверенно. А после того, как в лесу пойдут проталины, можно будет говорить и о полной капитуляции всех сил зимы.

Всё весной прибывает: уровень воды в реках и озёрах, светлое время суток, численность птиц и насекомых в лесу. И радость, простая человеческая радость весной лишена трагических оттенков.

Стремительность и, одновременно, сладкое спокойствие тёплых весенних дней.

Погружение в весну сродни погружению в воду – ясную и парную, немного солёную на вкус.

День, как шаловливый мальчишка, входит весною не в дверь, а в окно. И оповещает о своём появлении звоном разбитых сосулек.

Эта размеренно-тихая, падающая целыми днями с крыш вода напоминает устройство, помогающее человеку обрести гармонию, соприкоснуться с Вечным и стать по-настоящему счастливым на этой земле.

Воды – символа жизни всех без исключения рели-

гий мира – весной преизбыточно.

В одну короткую, лунную, соловьиную ночь поэтов на этой земле рождается больше, чем за все долгие месяцы осени и зимы.

Первые листья берёзы, сбросившие с себя скорлупу, такого нежно-зелёного цвета, что об этом, я думаю, стоит рассказать всем.

Весной поют песни даже те, у кого нет звуковой мембраны во рту, а порой и самого рта (придорожные камни, овраги, ветви деревьев).

Не слишком ли это утончённое желание: видеть без телескопа звезду, самую далёкую на небе? Но весной и оно нередко овладевает человеком.

Между весной и душой человеческой перегородка порой весьма условная: тоньше кленового листа.

В толстом словаре имён человеческих имён, связанных с Весной, найдёшь не так уж и много. Самое, пожалуй, яркое из них – Надежда.

Соловей, меняющий своей песней химический состав воздуха, способен весной на многое. Сделать из лунных лучей качели, например...

Ну же, садись и лети!

Самое страшное, что можно увидеть весной и что случается, к счастью, довольно редко, – когда снег, влажный и тяжёлый, ложится на распустившиеся цветы.

Ночью, освещённой фонарём луны, среди буйно цветущих вишен чрезвычайно трудно не говорить о любви.

Для нашей сибирской полосы март – белый, апрель – коричневый, а май – зелёный. Далее все эти краски смешиваются, к ним добавляются ещё краски насекомых и птиц, и вот вам богатая оттенками палитра наступившего лета.

Всегда остаётся что-то недосказанное, когда говоришь о весне.

Успокаиваешь свой ум творчеством, фактически медитируешь над чистым листом бумаги, и если тебе это удаётся, переживаешь в душе весну...

Сани, избы, поля, свежий навоз на укрытой снегом дороге – это ещё не весна. В этом, возможно, есть *тишина*, но нет надежды на будущее, без которой так трудно бывает жить. Старина, в лучшем случае, дарит человеку воспоминание о весне – о самом дорогом, что было в его жизни.

Но стоит лишь запеть в небе жаворонкам, которые пели во времена Иисуса и в более ранние времена, и самый обыкновенный день очерчивается ярче и значительней.

Почему?

Потому, наверное, что здесь мы соприкасаемся с Вечным, в котором пребывает всё. И сани, запряжённые тройкой лошадей, и самые современные компьютеры, и весна с её надеждой на лучшее будущее тоже.

Бабочки

Мы становимся немного детьми, когда видим в цветнике бабочку.

В справочнике по биологии бабочка названа «чешуекрылым насекомым с фасеточными глазами и круглым, хорошо развитым хоботком», но мы уклонимся от сухой научной риторики. В этой книге, также научной, нас будут интересовать не бабочки как таковые, а мысли и чувства, которые они рождают в нас.

В бабочке, весело порхающей над лугом, есть что-то от лёгкого бального платья, от Пушкина, от нашей первой любви.

Бабочки обитают на этой земле не повсеместно, как мы, люди, а только там, где растут цветы.

Рисунки, расположенные на их крыльях, напоминают абстрактные картины Кандинского, но тоньше и совершенней, чем они.

Некоторые бабочки живут считанные часы, и за отпущенное им время совсем не принимают пищу. И поэтому сравнение их с неземными существами вполне уместно.

Мне иногда кажется, что, присев на цветок, бабочка катает по его дну хрустальный шарик, а не вкушает питательный обед.

Когда бабочка взлетает с цветка, невольно вспоминаешь об эльфах, об ангелах, о солнечных бликах на воде.

Да, это щекочет самолюбие. И вызывает чувство неизъяснимого удовольствия, когда бабочка садится на твоё плечо!

Вращая в своём сознании образ бабочки, вспоминаешь, как лихо вращался жернов русской поэзии в минувшие века.

На ночь бабочка складывает свои крылья жилка в жилку, как цветок – лепестки.

Лохматая и прожорливая гусеница, какой была бабочка в своём предыдущем существовании, настойчиво внушает мысль о том, что и нам, людям, существам весьма несовершенным, обещан Свет на пути.

Если кто-то, побывавший в Раю, начнёт о нём говорить и при этом не укажет цветов и бабочек, не верьте этому человеку.

Побежать бы за бабочкою следом, не думая о еде, о счёте за коммунальные услуги, о новостях политики и прочей житейской мишуре. И вскоре услышать за собою сопенье таких же, как и ты, чудаков, ищущих в этой запутанной жизни просветления!

Яты

Яты – это расцвет моей жизни, связанный с приходом весны.

Жизнь становится пресной, если не так живёшь. Измеряешь мир шаркающим шагом, растишь привычки, словно детей. Они вырастают и начинают подавать по утрам кофе, по вечерам включать телевизор и по пятницам топить баню. Привычки убивают желание дышать, радуясь каждому вздоху. Сливаясь с незнакомым тебе человеком, как сливаются капли воды. И танцевать в утреннем тумане для себя, когда никто не видит твой танец.

Когда я встретил тебя и полюбил, в мире появилось ещё одно слово. Самое простое: Яты. Да, да, да: мне стало казаться невозможным писать отдельно эти слова! Я и ты – остались в нашем прошлом, а настоящее осветила звезда. И эту звезду мы называли Яты!

Ещё одна улица появилась в мире, которая заканчивалась почтой, ещё один цветочный магазин. И площадь, конечно, с фонтаном и голубями (ну как же обойтись без неё?) Вырос целый город после того, как я встретил тебя, носивший имя Яты!

И я изменился, стал другим. Научился летать по небу, в котором нет дорог. По небу, совпавшему с землёю! И всякий раз, уезжая в командировку, я возвращаюсь в город Яты, утопающий в пальмах и цветах, полный шума морской волны и крика чайки. Как когда-то, до встречи с тобой, возвращался в Ялту.

Сюита весеннего превращения

*Приятно поймать мгновенье,
когда зима
забрасывает свою бритву
в овраг...*

Дружно срабатывают переключатели ДНК, и щёки у зимы розовеют. Ветер, ещё вчера робко прятавшийся в деревьях, сегодня разгоняет облака, расчищая пути к свету.

Снежинки, упавшие ещё в ноябре и укрывшие землю, превращаются под действием солнца в гранулированное серебро. Жилы, по которым начинает протекать кровь, пытаются избавиться от тромбов. О, эта набирающая силу круговерть, сюита весеннего превращения! Остатки снега стекают в овраг, и на пригорке, открытом весеннему теплу, проступает бледно-зелёная щетина.

Корни деревьев начинают трудиться день и ночь, создавая в стволах давление, и влага поднимается наверх. В клетках, напоминающих колбы с липкой жидкостью, начинает вырабатываться хлорофилл. Жёлтое превращается в зелёное, печаль утраты зимних холодов – в радость ожидания нового.

Человечество en masse начинает переходить в ту счастливую пору, когда время измеряют не часы, а кукушка. Милое лесное существо, окраской похожее на тельняшку! Именно кукушка, способная перемещаться по воздуху и производить сигналы, напоминающие счёт, избирается на всю весну кумиром человечества.

Письма, прочитанные в разных ключах

Вот и опять приходят на электронку письма в таком количестве, что прочитать их возможно только в деловом ключе. Извлекая из этих писем информацию, порою не нужную совсем.

Но приходят и письма другие, согретые душой. Когда человек, совсем незнакомый, делится тайною с тобой. Или просто бормочет слова, пахнущие весной. И хочется читать такие письма не спеша, в душевном ключе и даже в ключе духовном!

Но нехватка свободного времени вовсе не означает, что письма эти не следует читать. Необходимо проявить в этом деле находчивость, только и всего. Попросить, например, своё Высшее Я даровать тебе новые способности, в которых появилась нужда... Да мало ли что необходимо сделать для того, чтобы глубже познакомиться с жизнью интересующего тебя человека!

Носили же люди письма в нагрудных карманах, давая возможность сердцу прочитать то, что скрыто от глаз. А ещё клали эти письма себе под подушку. И сны им, надо полагать, снились совсем другие, чем людям, относившимся к своему окружению сухо, по-деловому.

Птичья, осенняя

Опираясь на крепкое крыло, поднимаются птицы в небо. Весь Алтай перед ними, как накрытый к празднику стол. Деревушки стоят, как хлеба, к сроку испечённые. Можно и спуститься на землю, но птицы гогочут: «Не надо. Будем цвести, как ситцы, в небесах. Испания, Италия и Турция смотрят на восток. Нас, алтайских принцесс, ждут!»

Летят мимо горы Белуха, перья роняют на снега.

– Айда, Белуха, с нами! На дольний мир поглядишь, из лоскутков сшитый. На облака обопришь, как на перила, огнём из брюха пальни. Стройся в широкую колонну, занимай место в птичьем строю!

Отвечает Белуха обвалами, ухает, как филин в ночном лесу:

– А что и не быть вместе с вами? Азия – Аз и Я! Мир пощупать глазами хорошо. А после и на место вернуться... Поди, не убудет?

Услышал эти речи Теректинский хребет, и как умылся ими. Облаком лицо своё вытер, на солнце посмотрел. Перепоясался дорогой, словно верёвкой, студёным ветром ворчит:

– Катунский хребет – челюсть, а Теректинский – другая. Жуёт нами матушка-земля мякиш небес. А

вдруг без тебя, Белуха, беда случится? Станут лужами ледники, вулканы несварения проснутся. Огненной лавиной алтайские горы испепелят?

До сих пор, сказывают, Теректинский хребет с Белухой препираются. Правду ищут, каждый – свою!

А птицы летят себе дальше, им некогда ждать. Хвосты колодой карт распустили, крыльями воздух метут. Жёлтые пески Монголии, ковыльный, засушливый Казахстан. Летят птицы дальше – ветер им попутчик! Метели в их снах встают стеною, сыплют снежной крупой. Торчат, словно жерди, уставшие перья. Алтайские горы уменьшаются, сходят на нет. В радужном птичьем зрачке мелькает итальянский чулок.

Яма

Сидя в глубокой и тёмной яме, я не вижу, но слышу Тебя. Мягко шуршат в осенней, похожей на свежие стружки листве Твои ноги, обутые в лапти мужика. Те же, кто посадил меня в яму, валят на неё лес, кладут кустарник и землю. Они считают, что я не достоин даже слышать Тебя!

Но яркий серебряный луч, исходящий от Тебя, проникает в моё сердце как нитка в ушко иглки. И, ободрённый им, я снова вышиваю Твой образ на тёмном покрывале своих заблуждений. А рядом вышиваю лес и ненавистную мне яму...

Ты оживляешь созданную мной картину, ведь Ты для того и существуешь, чтобы творить бытие из небытия. И вот я стою уже возле ямы, в которой томятся мои враги...

– Выпусти их, – просишь Ты, указуя на яму.

Я пытаюсь возражать, но Тебя уже нет со мною...

Пока я колеблюсь и трушу, Ты молишь меня голо-

сами моих врагов о помиловании... И я выпускаю своих врагов!

Они кланяются мне до земли, называя спасителем и незнакомцем.

– А того, кто засадил нас в яму, мы бы как следует проучили! – утверждают они.

Я говорю им всю правду о себе, они же заливают мою речь весёлым смехом неверия...

Твои лапти, как прежде, шуршат в осенней листве. Ты принял вид седобородого старца с лукошком, собирающего, как ни в чём не бывало, в лесу грибы.

Мантра моря

(заметки о поведении)

Море всегда что-то говорит. Бульканье и шипенье – фразы его беседы, всплески и тишина – восклицания и паузы. Морские волны производят успокаивающие звуки, которые тихой звёздной ночью можно принять за голос самой Вечности.

Море работает само на себя, ему не нужны посредники. Сутками, не зная перерыва, оно укрепляет берега. Строительный материал – песок, галька и глина – всегда под рукою. Море выносит его во время прилива из глубин, производя шуршание. Поднимая донную муть и мешая малькам, резвящимся на отмели, видеть ноги купающихся.

Морские волны похожи на валики, которыми красят стены маляры. Пена выглаживает берег, делая его ровным и блестящим. Без шпателя и других вспомогательных инструментов волны наносят состав, скрепляющий песок и камень.

Речи моря немногословны. Они не возбуждают человека, который пришёл их послушать, рассказами о бурях, случившихся за сотни миль. Не говорят и о жизни глубин, сравнимых по своему населению с материками. Речи моря ритмичны и просты, в них много шипящих звуков и молчания.

Волны успокаивают своим повтором человека. И в этой связи можно говорить о мантре моря, о религиозной направленности волн. Об одинаковом числе слогов, вводящих человека в трансцендентное состояние. Уводящих его от числа и соединяющих с Вечностью.

Поселения в Online

Поместив своё сознание в Online, довольно скоро отвыкаешь от земных условий. Спутники и ракеты летают на тёмной стороне луны, луговую траву видишь только во сне и довольно редко!

Светодиодные звёзды, электронная пища, цифровые коды программных структур, работающих на частоте колебаний нейронов, заполняют твою жизнь. И если твоё сознание – действительность, тогда реально всё.

Всё остаётся, как на земле, но оцифровано и прозрачно. Какая-то новая реальность щёлкает пластинами реле. Можно ткнуть указательным пальцем в президента Межзвёздной Федерации, и палец пройдёт сквозь него.

Немного грусти от надежд, не успевших сбыться в земном существовании, но радости ожидаемого не исчерпать ничем. Даже ковшом Большой Медведицы размером в сотни парсек. И вот, наконец, блуждание по Вселенной завершается – ты видишь огни впереди. Это поселение Online, к которому ты устремлялся, искать которое призывали тебя все электронные агентства Земли!

На Земле – специализированные магазины, в цифровом мире – специализированные города. Столица кройки и шитья, город Поэзии, Соединённые Штаты Любви. Города-боксы, в которых ходят по молниям как по пешеходным дорожкам. Жители этих городов – нити, излучающие свет. Похоже, что они вобрали в себя энергию грозы и стали электромагнитными!

А вот и город Игротаун, в котором ты снишься самому себе. Отражаешься в витринах магазинов и в окнах жилых домов. Снишься, конечно, директором Фондового Рынка или министром, а не офисной мышкой, как это было на Земле. Иначе и нельзя, поскольку это будет стоить чересчур дорого. Ведь ты теперь – Цифровой Коротковолновый Преобразователь (ЦКП), способный создавать планеты и населять их разумными существами!

Поселения в Online тебе нравятся. По стенам веранд сползают, как плющи, зелёные надежды. На кухне варится бульон из утренних чувств, а на площадках для танцев можно услышать разговоры о новых галактиках, ежеминутно возникающих во Вселенной.

Возможности проживания в таких городах ничем не ограничены. Можно выпить вино из одуванчиков, собранных в книгах. Самая урожайная из них – фантаста Рэя Брэдбери. IQ этого человека был обыкновенным, зато его гипофиз работал, как заводной. И будучи подключённым к порталу будущего, выдавал картины катастроф. Впрочем, не будем развивать эту мысль дальше, поскольку в книгах этого писателя имеются все пояснения.

И что, пожалуй, самое интересное – в одном из поселений Online можно встретить и самого писателя-фантаста. Вот уже несколько лет Брэдбери работает заправщиком картриджей для принтера 5D и делает всё

возможное для блага виртуальной цивилизации. Правда, в силу своей гениальности, путает иногда север с сервером и адаптер с адептом. А недавно Брэдбери материализовал очки, у которых оправа была из стекла, а стёкла – из легированной стали. Но стоит ли обращать внимание на такие пустяки? Ведь Брэдбери – это река, несущая воды цифровой цивилизации к своему заслуженному морю.

К писателю-фантасту легче прийти, чем уйти от него, полным равнодушия. И не только потому, что он доверчив и тих. В поселении Online Брэдбери выбрал для своего тела не совсем обычную форму. Теперь он – набор колец, летающих в воздухе. Эти кольца втягивают и ласкают тебя. Рэй Брэдбери при этом смеётся из всех углов. И вспоминает свою командировку на Землю как большую космическую авантюру. К счастью для него, закончившуюся благополучно!

Ленин в микросхеме

Ленин в микросхеме? Опять в изгнании? И опять этому гению дана Сибирь?

Катается по золотому напылению контактов на са-
ночках, стучит электроном, как волейбольным мячом...

Меняется мир, меняются и люди. Вот и Владимира
Ильича не сразу узнаешь сегодня. На нём потёртые
джинсы, футболка, и вместо лысины – кудрявая шеве-
люра...

Век нанотехнологий!

Фиолетовый воздух зимы, минус 40 градусов. Село
Шушенское дымит печными трубами, но в каждом
доме – компьютер. Детские пальчики пробегают по
клавишам, напоминая игру пианиста. Что вам сыграть:
симфонию или сайтфонию? Пожалуйста – без проблем!

Владимир Ильич учит детей истории. О себе
рассказывает неохотно, заметно краснея. «Вот, если бы
у нас была такая техника, – добавляет он, глядя на но-
утбук, – мы бы победили во всемирном масштабе. Юзе-

ры всех стран, соединяйтесь!»

Деревья на улице стоят, как нервная система человека. Будто бы человек вошёл в дом, а нервы оставил на морозе. Пускай остывает движущая сила российского социал-демократа: компьютеру нужен интеллект!

Утро лиловое, день голубой, а вечер зелёный. Логически это не объяснить никак, но так оно и есть на самом деле. Вечер, зелёный от блуждания в электронных сетях, от надежды встретить информационное чудо.

В той жизни у Ленина не было детей, в этой – сколько угодно. И не только свои, но и школьники...

– А что им сказать, они и без нас всё знают! – сокрушается он. – Индига на индиге, Троцкий им не нужен. Троцкий сбежал в Мексику, когда всё пошло наперекосяк, эти бегут в компьютер. Существует игра с названием «Революция 1917 года в России». Дети любят кататься на броневики и палить из пушек «Авроры»!

Ленин иногда наблюдает, как падают снежинки в ноутбуке. Каждую снежинку можно увеличить и как следует разглядеть. Есть ли Бог между ледяными пластинами? Или его нужно искать на молекулярном уровне, скачав и установив соответствующую программу?

А, в общем, в России зима. Зима нового столетия. Деревья спустили воду из своей капиллярной системы, чтобы трубы не полопались. Нужно любить Россию такой, какая она есть, без налёта пролетарской идеологии, считает теперь Ленин. И ждать весны, которая придёт в своё время, не дожидаясь указа из Кремля. Которая заполнит небом и плывущими облаками овраги российского существования.

Свеча и солнце

Зачем зажигать свечу, если светит солнце?

Но это твоя, пускай и маленькая, свеча. Она смешна в своей детской незащищённости, она не прогоняет даже тени с лица, но в её огненном животе живут прообразы будущего.

Вот мама, раздвигая солнечные лучи, как жалюзи, глядит на меня и улыбается. Она ещё не родилась в моей свече, но скоро родится.

Вот старший брат проплывает на облаке, играя на скрипке. Смычок уже пахнет по земному: деревом и смолой... Скоро и брат мой родится!

Вот мои деды и прадеды, знакомые и друзья. Они сидят на фитиле, как на дереве. Между нами ничего нет, кроме плазмы иного существования...

Я спрашиваю: «Вы слышите меня?»

Сидящие молча кивают. И я вижу себя, отражённого в их глазах, размером со спичечную головку.

Я думаю, Диоген, зажигая в солнечный день свечу, не искал идеального человека. Он искал друзей, спрятавшихся от его чересчур резких фраз в солому. И соло-

ма загоралась от свечи, поднесённой Диогеном, а друзья разбегались кто куда, черней трубочиста.

Вот Александр Македонский у ночного костра. Он слышит Музыку Сфер в каждом проявлении жизни. Музыка полна гармонии и любви, а Македонский – молодого задора. И он начинает учительствовать огнём и проповедовать копьями и стрелами, так и не научившись эту Музыку понимать!

Я думаю, свечи в церквях, колеблемые дверными сквозняками, не чувствуют себя одинокими. Их зажигают прихожане и сами начинают светиться. И выходят на улицу, и ощущают солнечные лучи как ребяtnю, катающую по весеннему городу обручи веселья.

Так зажигайте свои свечи в солнечный день. Красные, жёлтые, голубые – огню всё равно. Лишь бы по ту сторону свечи вас ожидали добрые дела, вами совершённые!

А солнце прячется за Алтайские горы, как охотник. Оно хочет выстрелить в тебя лучом, но боится. А вдруг и ты стал уже бессмертным?

Учитель философии

Мой учитель философии – старый клён. Ссутулившийся, почти горбатый, с обломанными ветками внизу. Повидавший на своём веку бесчисленные воробьиные стаи.

Мой учитель немногословен, и вот почему. Дупло в его основании всё время занято кошками. А те не спят по ночам, поджидая мышей, чтобы взять у них автограф. Кошачьи «мяу» звучат в это время как речи Мао, призывающего народ Китая совершить в стране чудеса. И если клён говорит, то всегда по делу.

Вот что сказал он вчера, прочитав мою новую миниатюру:

– Смотри, как солнце пишет на листьях деревьев. Ощущая фактуру листа, используя солнечный луч вместо авторучки. Не обращая внимания на тени, омрачающие жизнь, пишет только о зелёном!

О словах и не только

ПОЗИТИФФ...

Это слово напоминает гриб-дождевик, созревший в лесу и выпускающий зелёные споры при малейшем на него нажатии. По этой причине лучше не трогать слова, достигшие «пенсионного» возраста и ставшие родными для многих поколений, а создавать слова новые, крепкие на звук. Несущие в себе и образ, и смысл, и многие другие достоинства!

Приведу примеры такого словотворчества.

Двусоставные слова:

ФИЛОМАГОГ, ИНФОМАНИЯ, ХУНВЕЙБИНДЕРИ
И ТАК ДАЛЕЕ.

Такие слова сочинять нетрудно. Нужно обзавестись полиэтиленовым пакетом, написать на листочках слова, взятые из словаря, и поместить в него листочки. А затем вынимать их попарно, совмещая между собой.

Производные слова:

ТУДАСЮДАКАТЬСЯ, УШЕЛЕЦ, УБЕДИТЕЛЬ, БОСИКОМОЕ И ТАК ДАЛЕЕ.

Смотрите на слова глазами новичка, оправленными в очки для более учёного вида. Станьте на время ребёнком, увлечённым игрой. Тогда и возникнут новые смыслы, запечатанные в слова, известные, казалось бы, всему миру!

Вот и все хитрости. Такие узкие возможности имеет на этом свете человек, приравненный им самим к Создателю Цифровой цивилизации!

Можно упомянуть ещё один источник возникновения новых слов, которым пользуются йоги. Это звукосочетания, приятные на слух, услышанные во время медитации:

УОЛДЕПОКРЫБЕНЬ, ЕЖЕМИСКУЛА, УЛМАСОУ, КИХМАНУ И ТАК ДАЛЕЕ.

Такого рода звуки кажутся нам непривычными, и потому некрасивыми. Но если придать этим звукам смысл, они обретут окраску не менее красивую, чем павлинье перо. Такие звуки войдут в нашу речь шагом чемпиона и станут полноправными жителями словарей на многие века!

На этом разговор, касающийся словотворчества, закончу по причине бережного отношения к языку.

Утренние и вечерние тени

Утренние тени больше расположены к общению с душой, чем вечерние.

Пока солнце восходит в зенит, тени уменьшаются, и встречая на своём пути стену или забор, сползают вниз. Ну как тут не пожалеть эти создания, похожие на тонированный полиэтилен, спешащие укрыться в предметах, их породивших, от жгучего солнца?

То же происходит и в литературе, когда какой-нибудь гений уверенно восходит на свой пьедестал. Вот паники-то в стихах, прозе и частных беседах! Но как только восхождение завершено и воздух окропляется дождём из цветов, литературный процесс становится предсказуемым. Он начинает напоминать разбегание, обогащающее города и посёлки качественным плагиатом. И чем быстрее закатывается солнце гения, тем больше этот процесс ускоряется.

Однако вернёмся к теням, укрывшимся в предметах. Обеденное солнце палит беспощадно, и колесо

Инь-Ян катится в это время особенно уверенно.

Я слышал, учёные изобрели вещество, меняющее химический состав воздуха. Солнечные лучи твердеют под воздействием этого вещества, даря человечеству новый, светящийся материал. Кому-то приятно подниматься по лестнице, сделанной из солнечных лучей, но лестница медитации мне привычнее!

После полудня тени растут, как усы у клубники, и лично я стараюсь не наступать на эти порождения, чтобы не испачкать о них своё настроение.

Время, когда англичане пьют чай (five o'clock) знаменует капитуляцию цвета по всей округе. Мир словно заворачивается в целлофан, который всё больше темнеет по мере захода солнца.

В это время удобно молиться – испускать в остывающий воздух частицы домашнего тепла. И одну из молитв следует непременно посвятить теням. Ибо от них, имеющих в своём биохимическом составе вещество плодородия, рождается Ночь. А та – всегда в диадеме звёзд, напоминающих о цикличности происходящих в мире событий.

Сон и проблемы, стоящие перед человечеством

За женой необходимо ухаживать, особенно перед сном. Уходит её сознание на прогулку. Туда, где юность цветёт, где всё другое. Где увиденное не повторяется и волнует не меньше, чем настоящая жизнь. До чего не дотянуться кистью художника, не описать нотой или стихотворением.

Когда жена проснётся, не расспрашивай её. Ведь жизнь, случившаяся ночью, была только с ней. В этом смысле жена – отдельность, глядящая на тебя глазами другой Вселенной.

И ты – один в своём сне, и что было, не расскажешь. Что-то упустишь, что-то соврёшь. На язык слов не переводится, крутится в сознании, как юла. А к обеду и вовсе забывается. Запах щей, плывущий из кухни, действует усыпляюще, как морфий.

Во сне всё реальнее и ярче, чем на земле, только не поддаётся осмыслению. Видится со стороны нейтральным глазом, который имеется у рыб. Если принести та-

кой глаз на землю, станешь другим. Но как его принести? Для этого нужно думать по-другому и оба мира постараться сшить, хотя бы красными нитками.

Как дерево не видит свои корни, так и наш мир из сна не разглядеть. Если человечеству начать развиваться на соединение двух миров, была бы огромная польза. А то – другие планеты и ракеты, доставляющие на Землю радиоактивную руду. Количество вместо качества, мириады лет длящийся повтор. Одна, физическая Вселенная, изученная вдоль и поперёк. И наливают от скуки себе в бокал, желая перенестись в сон, в котором снова стараются уснуть. И увидеть сон о сне, полный приключений!

Статистика странствий и статистика сна не совпадают. По крайней мере, треть своей жизни проводим во сне. Нужна бухгалтерская отчётность, утверждённая в небе и одобренная на земле. А то живём, включая опорно-двигательную систему, только днём.

Рассказ пастуха

Два поэта, путешествуя по горной долине, затеяли спор:

– Горы похожи на синего, свившегося кольцом дракона, – утверждал один.

– Нет, горы похожи на стены неприступной крепости, – утверждал другой.

– Но мое сравнение куда интересней, – настаивал один.

– Нет, моё, моё! – возражал другой.

Потных и краснощеких, готовых вот-вот подраться поэтов увидел странствующий философ и поспешил к ним на помощь. Узнав, что поэты спорят о том, кто из них лучше опишет красоту гор, философ от души рассмеялся.

– Куда лучше будет сказать «синий дракон, неприступный как крепость», – заявил он. – Ибо, что есть Красота, как не примирение двух враждебных друг другу истин?

Но поэты не слушали философа и спорили так громко, что привлекли внимание пастуха. Он спускался со своими овцами в долину, чтобы запастись едой.

Узнав, в чём дело, пастух сел на придорожный камень и не спеша закурил свою трубку. Простыми словами и корявым слогом, глядя куда-то вдаль, он принялся рассказывать о своей нелёгкой жизни в горах. И оба поэта и философ, никогда не бывавшие в горах, с нескрываемым любопытством слушали рассказ пастуха.

Поэма о Времени

Я живу то с минутной стрелкой, то с секундной. Значит, я изменяю часам. А когда я живу с часами, изменяю суткам. И это уже серьёзное нарушение хронологического этикета, не так ли?

Время превращается в звёздный песок и падает метеоритным дождём на землю. В лужах отражаются старики, видят себя безусыми юнцами и улыбаются. И уходят за горизонт, натягивая нить Ариадны. Нить, соединяющую прошлое и будущее.

Вчера мы целовались с тобой. И я ревную тебя к ушедшему дню, если мы не поцелуемся в дне сегодняшнем. Так давай же целоваться всегда, не замечая время. Его неумолимого воздействия на окружающее.

Ты красишь по утрам свои губы, как метишь деревья в лесу. 30 000 меток, и жизнь прошла... О, эта красная буква «О», когда ты слышала об этом!

Но если бы секунды не переходили в минуты, а те — в часы, каждое наше действие длилось до бесконечности. Ты вышла бы из дома и шла, шла, шла, а я бы смот-

рел и смотрел на тебя из окошка.

Время необходимо в этой жизни, поскольку оно сортирует наши дела. Ставит на них метку – число, месяц и год, и размещает в поисковой системе «Яндекс». А вдруг наши дела кому-нибудь пригодятся?

Я сплю на циферблате Вселенной, где цифры – знаки Зодиака. И мне снятся события, которые происходят совсем в другой галактике, в её спиралевидных коридорах.

Я, как многостаночник, обслуживаю сразу три станка: прошлое, настоящее и будущее.

Я просыпаюсь в других мирах, когда засыпаю. Миры благосклонны ко мне, поскольку знают: однажды, проснувшись навсегда, я получу их гражданство.

С понятием времени возникает немало проблем, но без них жизнь не интересна. Утреннее солнце вкладывает в нас свои фотоны как патроны. Иди и стреляйся с людьми, журнальными статьями, деревьями... И отменить назначенное нельзя, ведь жизнь и борьба – синонимы!

Иногда, решив поиграть со временем, ты держишь его за щекою, как леденец. Гладишь его язычком, переворачиваешь. И время начинает таять на глазах, впитываться в поры, становиться тобою.

С утра идёт снег, густой и неторопливый. Снежинки кружатся в воздухе, поблёскивая зубчатым серебром. Возможно, на небе ремонтируют часы, идущие тысячелетия. Заменяют старые шестерёнки на новые.

Продукты новейших технологий – компьютеры и смартфоны – становятся прошлым, а мечты поэтов – будущим. Потому что время в этом случае движется в двух противоположных направлениях, как машины на автотрассе.

Будущее зависит от людей. И какими чистыми

должны быть наши мечты, чтобы в будущем не существовало криминальных структур, лживых президентов и борьбы за золото, вызванной желанием остановить время? Да, стрелки часов можно сделать золотыми, но время с их помощью не остановишь!

Можно заполнять время не количеством, а качеством. Мечта – это дырка в пространственно-временном веществе. Когда люди уйдут в интернет, в его электронные структуры, Земля вздохнёт своими нефтяными болотами. И пригласит из параллельных миров тех, кого мы зовём Небожителями. Они восстановят планетное ДНК, порядком испорченное генетиками, заменят самолётостроение телепортацией, а электронную связь – телепатической. И приложат все усилия к тому, чтобы время превращалось в культурные ценности, а не в золото.

А мы, вдохновлённые зимним утром, пишем с тобой стихи, помогая Природе создавать новую религию. Религию снега, пахнущего яблоками, и Алтайских гор, призванных служить алтарём для будущего человечества.

Определение детства

Дерево в снегирях – как лампа, зажжённая среди зимы. Всегда согреет тебя, если замёрзнешь в этом мире!

Запахи с кухни. Предновогодние игры. Считалочка «раз-два-три». Стоит только захотеть, и дворовая метла превратится в поезд, и ты уедешь на нём до станции Кисель. А там – пешком на Алтай, по глубокому снегу. И если увязнешь в снегу, не беда. Разве не предложат тебе облака полетать над Сибирью? Разве не загорится гора Белуха, знакомая тебе из детских книг, маяком? Разве в слове «Алтай» не слышится «Италия» – страна, в которой всегда тепло?

Ещё никому не удавалось рассказать в полной мере, что такое детство. Дать ему определение, верное настолько, чтобы поверили в него. Никому и в то же время всем, поскольку каждый взрослый был когда-то ребёнком!

Попробую дать определение детства и я, хотя заранее знаю, что не сумею. Ведь детство у каждого своё, со своими игрушками, радостью и печалью!

*Только в детстве случается такое:
смотришь, как растёт твоя тень,
и получаешь от этого огромное удовольствие.*

Дзбука мыслей

*Учёным ещё предстоит разгадать
тайну происхождения мыслей.*

Из Философского словаря

Многие люди любят мысли за то, что они помогают им жить. Которые ими руководят, осуществляют их желания, и которые на языке инженеров, проектирующих башни и мосты, могут быть названы «стержневыми».

Эти мысли понятны каждому человеку. Их отличительная черта – прямоговорение. Стержневые мысли похожи на след, оставленный летящей пулей. Попадание таких мыслей в цель зависит от точности прицела. А ещё – от скорости ветра за окном, курса доллара на сегодняшний день и от сейсмоустойчивости почвы под ногами.

Я тоже люблю стержневые мысли. На них я подтягиваюсь по утрам, как на турнике. На мысли «пора идти на работу» я подтягиваюсь десять раз, на мысли «она обещала позвонить мне сегодня» – больше сотни. И эти правила изменить нельзя, поскольку стержневые мысли имеют весовые категории, как в спорте.

Бывают и другие мысли, вызванные расслаблен-

ным состоянием души. Они напоминают облака, плывущие по небу. Их называют ватными, и вот почему. По сути, эти мысли – эмбриональный продукт. Ватные мысли можно растягивать как колготки, и тогда они начинают казаться важными и значительными. Но стоит урезонить свои желания, как они исчезают. Ватные мысли питаются праздниками и затянувшимся весельем. Они ведут неустанную войну с мыслями стержневыми, и исход очередного сражения предсказать трудно.

О круговых мыслях, также управляющих человеком, охотно пишут в прессе. Быть может, потому, что круговые мысли – весьма распространённый продукт. Обычно они начинаются со слова «надо» и, совершив полный оборот вокруг проблемы, отяготившей жизнь человека, повторяются. «Надо бросить курить», например. «Надо встать пораньше», «надо рассчитаться с долгами», «надо...»... Порой необходим удар судьбы, чтобы освободиться от круговых мыслей!

Стержневые, ватные и круговые мысли имеют земное происхождение. Они могут быть русскими, английскими, французскими – суть не в языке. Мы живём в их окружении, словно в кабине корабля. Который построил Демиург, чтобы лететь к звёздам. Корабль стоит в ожидании старта на траве, и в его иллюминаторе можно увидеть речку и горы, а также коров, пасущихся неподалёку.

Но стоит посмотреть в окно, за которым мерцают звёзды, и наши мысли меняются. Звёзды глядят на нас из Вечности, глазами иной жизни. Один поворот головы, немного поэзии, и нас уже окружают мысли-мечты, похожие на бабочек. Они порхают и нежатся при свете луны, и дарят нам простор, к которому мы не привыкли.

Мысли-мечты обладают большими возможностями. Они способны просверливать дыры в межзвёздном веществе, менять ход событий. То, чему предназначено сбыться через века, предстаёт, благодаря этим мыслям, перед глазами. А окружающее нас пространство уменьшается до размеров улитки и уползает в тень, до востребования.

С мыслями-мечтами следует обращаться осторожно. Заворачивать их в чистые чувства и хранить в глубине души. Ибо мысли-мечты могут сбываться.

Существуют ещё символические мысли. Они представляют собой союз, состоящий из нескольких мыслей. Символические мысли похожи на маску, которую надевают в карнавальную ночь. Сумеешь снять эту маску с какой-нибудь красавицы, увидишь её лицо, не сумеешь – насладишься игрою. Символические мысли подвижны и легки. Они скачут, словно белки, по книгам. По толковым словарям, например, и Священным Писаниям всего мира.

Стоит лишь заглянуть в себя самого, и увидишь целый калейдоскоп мыслей, сопровождающих нашу жизнь на всём её протяжении. Я только слегка их обозначил. Верю в то, что в скором времени учёные начнут изучать наши мысли, поймут их состав и способы управления ими. И подарят людям книгу, имеющую приятное послевкусие – Азбуку мыслей!

Орбиты мыслей пересекаются, они излучают свет, их тени окрашивают мир подобно радуге. Однажды я заглянул в себя самого, желая изучить свои мысли, и нисколько об этом не жалею.

Всё благословенно

Гуляю по лесу и ясно слышу, как Сентябрь меня окликает. А сам за веткой, за дождём, за первой душевной усталостью прячется.

– Хочешь, причешу? – предлагает мне Сентябрь. – Тем же гребешком, которым я листья причёсываю?

Руки у Сентября, как ветки берёзы. Слышу, как шелестит он листвой, как бьётся его ягодное сердце. Или это шиповник краснеет впереди? Клюёт его птичья мелюзга, никак не осилит. И улетает к боярышнику – тот и мягче, и слаще.

Торопится Сентябрь, желая успеть выполнить свою работу, ведь день стал короче. Складывает в свой жёлтый чемодан лето. И я прохожу мимо, стараясь не мешать. Я даже забыл о его существовании – так на душе спокойно!

Вот солнце садится за ближайшую гору, рассыпая по склонам её искры, как электросварщик. И листья жухнут на глазах. А тени разбегаются, как муравьи, почувывшие запах грозы в застоявшемся воздухе.

Где же Сентябрь? Где гребешок его ветра? Его разноцветная грусть?

Я всматриваюсь в небо с минуту и вижу следы Сентября. Да, это он мелькает в зените! И машет журавлиным клином, как клинком...

«И ладно пойдёт, и в растопыр – всё благословенно», – размышляю я про себя. И выхожу на тропинку, ведущую к дому.

Частушки

За много лет до разговора с вами, когда покойный Иван Семёнович Огрызко руководил музыкальным училищем в Москве, была привезена в Россию гармошка. Купленная в Германии, в одном из уютных городков, расположенных возле Берлина, гармошка эта украшала свадьбы, веселила народ на Пасху и Рождество и прямо-таки властвовала на похоронах человека. Вернее, не на самих похоронах, а на поминках, когда уставший народ, выпив пива, начинал снимать с себя груз. Тогда-то и требовалась помощь уставшим ногам и голове, полной печальных воспоминаний. И гармошка успешно справлялась с этим заданием, раздувая меха.

Издали немец похож на русского, но только издали. Вблизи он полная противоположность ему. Русский мужик, если загуляет, пропьёт всё, что носит на себе. Немец же никогда запретную черту не перейдёт. Придёт домой и тихо уснёт на сеновале, боясь разбудить свою семью!

Как бы там ни было, гармошка была в Россию при-

везена и показана Огрызко, который сам же её и заказал. Иван Семёнович растянул меха, прошёлся по кнопкам-клавишам, прислушался к её звуку и загрустил. Уж больно визгливой показалась ему её речь. Как будто режут кабана на задворках! Попытался Иван Семёнович привыкнуть к её звуку и – никак. Так и отдал эту гармошку своему свояку, приехавшему по каким-то делам из-под Рязани!

Зато, будучи доставлена в глубинку, гармошка успешно там прижилась. В те времена поэзия была в почёте, каждый гусар или чиновник писал стихи, вдохновлённый гением Пушкина. И русский мужик тоже хотел бы писать, да у него не получалось. Не хватало гимназии и хороших манер! Но гармошка в его жизни сыграла волшебную роль. Куплет, сочинённый мужиком, полный насмешек и веселья, пошёл под звуки гармошки на ура. Так в России появился ещё один жанр в искусстве. Не песня, нет – на неё не хватало сердечного чувства! – а ни то, как говорится, ни сё. Назвали этот жанр словом «частушка», исходившим, надо думать, от слова «часть». Рифмованное четверостишие, исполняемое под гармошку, сочинённое с целью развеселить подвыпивший народ.

Вот вам короткая история возникновения в России частушки. А кто захочет более подробно об этом узнать, пускай заглянет в книги. Не наше это дело, не мужицкое, собирать сухостой, когда под ногами – цветы и стебли разнотравья!

Хочу описать ещё ритуал, связанный с исполнением частушек, который возник сам собой. Во-первых, нужен праздник, свободный день. Во-вторых, нужен гармонист и подгулявшие девки, в которых рюмка-другая водки уничтожила стеснительность и грусть. И у которых платок развязался сам собой и лежит на плечах

больше для форса, чем для согревания!

Девки, напоминающие своими юбками цветущие луга, собираются под берёзой. Гармонист растягивает меха, и начинается действие. Девки, одна за другой, выбегают в круг, пляшут и поют частушки.

Договорились заранее: о хорошем не петь. Только о плохом, но любимом, от которого чешутся груди по ночам и кружится голова, словно видишь коня, бегущего по дороге. О лени, похоти, зависти и прочих людских пороках, поданных слушателю с перцем и чесноком!

Ветер шелестит листвой, мычат коровы за пряслами, но этого не замечает никто. Ведь рядом происходит нечто, напоминающее исповедь, только весёлую. Передача тяжести, накопившейся в душе, берёзкам, ручьям и соловьям, минуя местного священника!

Вот вам краткое описание народного действия, лишённое прикрас. Таков народ в России. Любит частушки, любит жизнь, любит и многое другое. Не берусь судить о том, плохо это или хорошо. А берусь любить русского мужика целиком, каков он есть в жизни!

Говорят, надои молока на следующий после праздника день значительно превышают суточные нормы.

Новая тропинка

Тропинка в лесу, утопая в листьях папоротника, кружила и виляла среди деревьев. Хотя до шоссе, гудевшего своими автомобилями подобно шмелю, было совсем близко.

Но вот пришла осень, за ней – зима. И всё в лесу, что прежде так радовало душу, оказалось засыпанным снегом. Искрящейся на солнце крупой, на которой синички оставляли следы своих лапок.

Наметилась и постепенно проявилась в лесу новая тропинка, теперь уже прямая. Лишь огибавшая в одном месте упавший, сильно опалённый молнией ствол сосны.

Несколько раз тропинку пытались засыпать снегопадами, но люди упорно восстанавливали её. А когда пришла весна и выглянули первые, ещё жёлтые, травы, люди и не вспомнили о своём прежнем пути. Так и продолжали ходить по новой тропинке.

Завещание

Похороните меня в слове, когда я умру. В простом русском слове, ничем не отличающимся от других слов. Разве что внутренним теплом и внешней горечью... Если вы наблюдали, как распускается тополиная почка весной, вы поймёте, о чём я говорю.

К слову, ставшему моим последним пристанищем, станут приходить восклицательные знаки и дубасить в него, как в барабан. «Есть ли там кто?» – спросят восклицательные знаки. И я отвечу им с улыбкой: «Аз есмь!»

А в вышине, под стать вышине поэтического вдохновения, будут летать облака. В лесу, образованном из суффиксов и падежей, будут скакать завсегдатаи моих черновиков – ошибки. И я, научившийся ценить эту жизнь, буду любить их наравне с точками и запятыми, расставленными в нужных местах!

Считайте эту запись моим завещанием, друзья. Похороните меня под буквами, как под камнями древнерусского кургана. В простом русском слове, ничем не отличающимся от других. И пусть моим последним пристанищем станет слово «любовь».

Пауза

Когда Моцарта спросили о том, что он считает главным в своей музыке, Моцарт ответил не задумываясь: «Пауза». И словно указал своим тонким пальцем на другой мир. Открылись шестерёнки с острыми зубчиками, оси, смазанные машинным маслом, и первоначальный образ всего того, что мы зовём жизнью, заблестал, как звёзды Большой Медведицы. «Пауза!» – повторил Моцарт ещё раз и убежал в соседнюю залу, где уселся за клавесин сочинять музыку.

Пальцы тонули в мягких клавишах, бежали и прыгали как мальчишки, катающие мячик во дворе. Всюду свистели птицы разных расцветок, и виноградники юга прятали среди созревающих ягод свой рождественский свет...

Моцарт улыбался!

– Ага, сейчас подадут овации, живые взгляды, полные слёз, и крики «браво!», летящие, как птицы, к потолку консерватории!

И тут произошла заминка. Очередная нота застыла, как на морозе слеза. В залу вошла Грусть, заглянула Моцарту в глаза и прошла, шурша накрахмаленными

юбками, к балкону...

Пауза!

Моцарт опустил голову и снова заглянул в иной мир. Там не было ничего, что бы связывало его с нами. Там была тишина, но совсем другая. Не та, к которой мы привыкли, гуляя по саду среди роз. Мир иной скрывал тишину, богатую возможностями. В которой протекала жизнь, свистели бури и бились волны о скалы. Так за окнами дома разговаривает прислуга, жестикулируя руками и поправляя парик на голове, но звуков не слышно...

Пауза!

Моцарт вгляделся в неё и нашёл то, что недоставало его музыке. От чего произошла остановка, временный упадок сил. Поднял мизинец правой руки, покрутил им в воздухе, забылся на одно мгновение и ударил по клавишам клавесина.

Звуки рассыпались по зале, наполняя её углы и проходя сквозь рыхлую штукатурку. Связали залу с облаками, плывшими по небу в предвечерний час, с полями и лесными окрестностями знакомого с детства Зальцбурга.

Пауза закончилась, но из неё продолжал изливаться беззвучный звук. Так нежгучий огонь изливается в Пасхальную ночь, радуя паству, в главном храме Иерусалима!

Время исчезло совсем: музыка для него, как мука. Из паузы вылетел голубок, захлопал белыми крыльями и вскоре растворился в тишине, пахнущей лаком паркета...

Пьеса была закончена!

Звуки остывали в воздухе словно формы, извлечённые из раскалённой печи, отбрасывая тени на нотные листы в виде карандашных кружочков. Часы, бле-

стевшие латунным маятником на стене, стали снова отбивать время. Крышка клавесина захлопнулась, по атласу камзола пробежали оранжевые молнии. Моцарт поднялся со стула, поправил на шее бант. И произнёс в тишину живое, знакомое с детства слово:

– Пауза!

Лирическая философия

Я не рассматриваю уличный фонарь, а *переживаю его свет, льющийся под ноги проходим.* Это, конечно, коряво сказано, зато довольно точно выражает мои чувства.

Влетающие в конус света мучнистые бабочки создают эффект мерцания, лёгкой тревоги.

*

Я узнаю художника в человеке по тому, насколько он не фальшивит в каждом своём движении. Насколько он опирается на подсказку изнутри, всегда такую тихую, но точную.

*

«Любите меня тихонечко, осторожно. Как берут со стола китайскую фарфоровую чашку, чтобы не разбить».

(Просьба о любви, написанная безымянным автором XVIII столетия)

*

Когда идёт дождь и из окна, раскрытого в сад, пахнет землёй и укропом, шелест листвы воспринимается особенно остро (внутреннее зрение раскрывает внутренний слух и наоборот, действуя по принципу качелей).

*

Иногда с незнакомой женщиной случается такой лёгкий, непринуждённый разговор, словно разговариваешь, выйдя весенним утром на этюды, с веткой сирени.

*

«Я не пою: я пробую молиться...» – признался однажды певец и композитор NN, на концертах которого, после исполнения очередной песни, в зале устанавливалась молитвенная тишина. И лишь волосики в ушных раковинах слушателей поблёскивали, как микроскопические антенны.

*

Отвечаю за свои слова в семи будущих жизнях. И атеист, не перестающий удивляться простому серому дню – верующий в маске.

*

Однажды я достал с книжной полки Библию и основательно её встряхнул, держа корешком вверх. Из пожелтевшей от времени книги посыпались: крестовые походы, инквизиция, Варфоломеевская ночь, хлысты, трясуны и прочие её порождения. Затем я достал Агни-Йогу, и она просыпала мне под ноги: нравоучительные вирши, ссоры и дразги её учеников и обильную контактёрскую литературу. После этого я бережно поставил

обе книги на полку и подмёл полы.

*

Вечность похожа на дождь: в ней столько же лет, сколько в дожде капель.

Я однажды начал считать, но сбился со счёта. Вышел под проливной дождь, встал и заулыбался от нахлынувшего вдруг счастья. Вечность упруго плескалась в моих ладонях, пуская пузыри!

*

Когда человек, с которым ты вёл беседу, покидает твой дом, беседа продолжается с образом этого человека. Когда и беседа с образом человека подходит к своему концу, начинает говорить Тишина. И что расскажет тебе Тишина, то и будет главным в беседе с человеком.

*

Человек порой даже не может плакать – так ему на сердце тяжело. Тогда резон поплакать за него кому-нибудь другому. И радостно при этом видеть, как человеку, попавшему в беду, становится легче от такого дружеского жеста.

*

Буддист заходит в гости к христианину, христианин идёт в гости к буддисту. И тёплая дорожная пыль касается пальцев их ног, а ветер ласкает им волосы. И оба они ещё не знают, что стали людьми, которые составят основу будущего человечества.

*

Когда небесные связи в человеке пересиливают связи земные, рождается ещё один философ. Быть мо-

жет, такой же, как Диоген, ходивший и в солнечный день с зажжённой свечою. Искавший в завалах машинного существования человека.

*

Существует лирическая философия, отличная от обычной философии тем, что песней, а не предупреждающим выстрелом из ружья заставляет замолчать всё отжившее. Дворянство кадушек с солёными огурцами она заменяет творянством народа и прорывается к Истине садами поэзии, минуя чертополох чепухи. Я слышал, что лирическая философия набирает умельцев в свои ряды, но не видел следов на дороге, ведущей в её владения.

Тамерлан и поэзия

Предводитель Синей Орды Тамерлан имел глаза, смотревшие из-под бровей, свисавших чёрными перьями, подозрительно. Каждое утро, как только солнце озаряло степь, он осматривал ряды своих воинов, ища среди них любителей поэзии.

– Ты пищ-щешь? – свистел в щербинку зубов Тамерлан, указывая плёткой на какого-нибудь юношу.

– Нет, ваша солнечная магометанская милость, – отвечал юноша, бледнея. – Пробовал, но всё выходило не так, как у Хафиза. И я бросил...

Тамерлан шаркал ногою, хромавшей при ходьбе, и говорил мягко, по-отечески:

– Будещ-щъ писать, велю отрубить тебе голову!

Беда была с этими поэтами в многолюдном стане Тамерлана. Они рождались внутри себя, и их невозможно было разглядеть, как траву или ящерицу. Поэты уходили в степь, доставали бумагу и запечатлевали на ней арабской вязью свои чувства. Они встречали белевшие

кости людей и животных и отводили взгляд в сторону. Кадык у поэтов мелькал чаще, чем у других воинов Тамерлана, поскольку они чаще других смотрели в небо!

Тамерлану нужны были воины, способные убить даже свою мать, если им прикажут. Так завещал человеку Закон степей. Только с такими воинами, способными перегрызть и железные удила, можно было победить Тохтамыша, предводителя Золотой Орды, и сделаться властелином всей Азии! Но поэзия ослабляла ряды его воинов, осуждая насилие и смерть. Поэзия рождала улыбку на лице, похожую на голубку. Она звала в сады, где цвели вишня и мушмула. Поэзия, если представить её Амударьёй, текла совсем в другом направлении!

Тамерлан обходил ряды своих воинов, ища источник поэзии и надеясь его пресечь, но всякий раз убеждался в своём бессилии. И он, наделённый Аллахом поистине вселенской властью, боялся поэзии.

Отходя ко сну, Тамерлан зажигал светильники возле своей головы, горевшие до самого рассвета. Чтобы поэзия, слетая с губ увенчанного славой Хафиза, его не посетила.

Бухтарминские степи

Ходил я со староверами в Бухтарминские степи, слово голубиное искал. Степи эти неподалёку, за Катунским хребтом находятся. Вольно там дышится и видится далеко.

Степи эти не только небесами, но и легендой про земной рай, который в народе Беловодьем зовётся, покрыты. И сыплются из той легенды тёплые дожди. Вот и меня они в Бухтарминские степи привели, на вершину кургана поставили.

Плывёт в своей жёлтой ладье Истина по небу, «свят, свят, свят!» повторяет. А я и рад! Рот отворю, солнечный ветер в него впущу и почувствую, как слово нужное рождается. От радости жизни оно прорастает, сквозь семизначную тоску.

А Бухтарминские степи шумят ковылём, память глубинную отворяя. Что случилось не только со мной, но и с моим народом. Не человек я в ту самую минуту, а всечеловек: и мужчина, и женщина, и старик, и

ребёнок. Сам с собой говорю, сам себе счастье и несчастье отмеряю. Вот из такой глубины и выходит слово голубиное, на радость и мне, и другим.

Скрепляет такое слово распады вселенские, штопает дыры в судьбе. А горе своё не замечаешь, если ты в ближнем живёшь. Ты сила в нём крепкая, коренная, и потому – помогающая.

Вылечишь ближнего таким вот словом, и он тебя вылечить норовит. Ты ведь в нём болишь, спать не даёшь ему ночами.

Ах вы степи мои, Бухтарминские! Меж зудящих дёсен вас положу, словно траву подорожник. Вами от мыка излечусь. И приду к вам в урочный час, попрошу слова голубинового. Словно родниковую воду, богатую серебром.

Игорь Муханов – поэт, прозаик, собиратель волжского, бурятского и алтайского фольклора.

Окончил Самарский государственный университет по специальности «физика» и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького.

Член Союза писателей России, член правления Союза писателей Республики Алтай.

Автор 12 книг стихов и прозы.

Лауреат национальной премии в области литературы, учреждённой Традиционной буддийской Сангхой России, литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя», обладатель Гран-при Петровской Академии наук и искусства.

Живёт на Алтае.